

СПАСИ МЕНЯ ОТ ХОЛОДА

КИРА
МОН

Люди

18+

Там, где сбываются мечты. Романтическая трилогия

Кира Мон

Спаси меня от холода ночи

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Мон К.

Спаси меня от холода ночи / К. Мон — «Эксмо», 2019 — (Там, где сбываются мечты. Романтическая трилогия)

ISBN 978-5-04-112635-3

Мягкий шум прибоя, соленый морской воздух и плеск набегающих волн – лучшее средство от страха и тяжелых воспоминаний. Особенно, когда нужно развеять тревогу и унять отчаяние в истерзанной душе. Сиенна знает об этом не понаслышке. Год назад ей пришлось сбежать из дома из-за жестокости отца, чтобы начать жизнь с чистого листа. Здесь, в Каслданнсе, небольшой уютной деревушке на севере Ирландии, ей удалось обрести долгожданное спокойствие. Пока в ее мир не ворвался Нилл, жгучий брюнет с завораживающими татуировками, чье появление разбудило ее раны... и против воли пленило ее сердце. Готова ли Сиенна открыться ему? Сможет ли сломать иллюзорные стены, чтобы встретиться лицом к лицу со своей болью? И поверить в то, что настоящая любовь рядом – стоит лишь сделать шаг ей навстречу.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-112635-3

© Мон К., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кира Мон

Спаси меня от холода ночи

Kira Mohn

Save me from the Night

© 2019 by Rowohlt Verlag GmbH, Hamburg

© Офицера И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Никогда

Никогда

Никогда

Не сдавайся

Глава 1

– Эй, Сиенна! Ты про нас забыла?

– Я бы с удовольствием, но ты слишком громко кричишь. Скоро подойду.

Тео хохочет, а я виновато улыбаюсь, пробегая мимо. Он и его приятель Рори уже, наверное, минут пятнадцать дожидаются стаканов с «Гиннессом». В том, чтобы быть знакомым с официантами в пабе, имеются и свои недостатки: вас спокойно оставят сидеть с пустыми бокалами, зная, что вы пожалеете бедняжек, пока они мечтают клонировать себя, чтобы обеспечить напитками всех посетителей, прежде чем те переключатся на самообслуживание.

Когда я наконец приношу Тео и Рори их пиво, добавляю каждому по рюмке водки. В том, чтобы быть знакомым с официантами в пабе, имеются и свои преимущества.

– Прошу прощения, что пришлось так долго ждать.

– Без проблем. Скажи уже Дину, что нуждаешься в помощнице. Рори и так давно об этом мечтает, потому что знает, что тебе нравлюсь только я.

Я смеюсь, а Рори качает головой и, ворча, подносит пиво ко рту. И ему самому, и Тео уже за шестьдесят, оба толстые, бородатые морские волки, бывшие рыбаки, которых теперь беспокоят лишь урожаи фасоли в огороде и споры с женами по поводу того, сколько им пропать в пабе «Брейди».

– Эй, Сиенна!

Похлопав Тео по волосатой руке, подхватываю свой поднос и спешу принимать следующие заказы.

Тео прав, мне бы пригодилась помощь. Но попробуйте объяснить это Дину, упрямо придерживающемуся мнения, что «Брейди» всегда обходился одной официанткой. Когда примерно год назад я только нанималась сюда, эта схема еще работала, однако сейчас здесь каждый вечер собирается не только добрая половина Каслданнса, к ним добавилась куча народа из соседних деревень. Полагаю, наше заведение приобрело такую популярность после того, как шесть месяцев назад в нем появилась Нелли. В отличие от Йорика, бывшего шеф-повара, она действительно умеет готовить.

– Сиенна, можно нам заказать?

– Конечно. – Я торможу рядом со столиком Айрин и ее лучшей подруги Лив. Обе девушки приходят практически каждый четверг, когда парень Лив, Кьер, по вечерам исполняет у нас живую музыку. Соответственно, большая часть толпы тогда перемещается от бара к небольшой сцене в дальней части паба. Жалко, что с конца лета Кьер начнет подолгу жить в Дублине, чтобы продолжить обучение на ветеринара, но это по крайней мере облегчит мне четверги. Так много народу, как в этот день, в «Брейди» не бывает даже по выходным.

– Два «Гиннесса», и не могла бы ты спросить у Нелли, может, у нее осталось две порции особого рагу?

– Разумеется.

Едва добираюсь до бара, как меня уже зовет кто-то еще.

– Дин, ты это слышишь? – Я ставлю поднос возле мойки и киваю в направлении уже почти полного зала.

– Они тебя любят. – Дин всегда само спокойствие. Пара движений руками, и поднос освобожден от пустой посуды, после чего на него выставлен предыдущий заказ. – И два эля на двенадцатый столик.

Отлично. Опять кто-то заказал напрямую у бармена. И дело не только в том, что моя работа – предотвращать подобные ситуации, чтобы бар не был перегружен еще больше, чем обычно. А в том, что это существенно сказывается на моих чаевых.

– Парень подошел на обратном пути из туалета, – объясняет Дин.

– Естественно. – Я рывком поднимаю поднос. Как будто он реально мог что-то такое заметить, учитывая столпотворение у барной стойки. – Нам нужна вторая официантка, Дин.

– Или просто тебе нужно работать быстрее, – нахально улыбается он и взмахом руки отсылает меня прочь.

Я закатываю глаза. Дину крупно повезло, что он мне очень нравится, иначе я бы точно что-нибудь в него швырнула. Он без проблем мог бы позволить себе вторую официантку, просто до его упрямой головы все никак не дойдет, что это по-настоящему необходимо. В какой-то момент люди просто начнут уходить, поскольку им не захочется ждать пива дольше, чем записи к врачу.

Пока я со своим грузом аккуратно балансирую между плотно стоящими друг к другу посетителями, взгляд падает на темноволосую женщину, которая, в свою очередь, внимательно рассматривает Дина. Ничего удивительного, он симпатичный парень со стрижкой андеркат, пучком на макушке и густой бородой, а о том, что в Килкенни у него есть подруга, известно далеко не каждой.

Лишь доставив два пива на столик под номером одиннадцать, я вспоминаю, что забыла спросить у Нелли про особое рагу. Вздыхаю и продолжаю забег. Недостатки от знакомства с официантами сегодня однозначно перевешивают достоинства.

* * *

Около половины второго я, наконец-то, сижу за столом и занимаюсь подсчетами. Ребра побаливают от того, как недавно Тео сжал меня на прощание в объятиях, пока Рори терпеливо стоял рядом, сложив руки на массивном пузе.

– Вот если бы мы познакомились раньше...

Тео всегда так говорит перед уходом.

– Убери лапы от милой леди, здоровая ты туша, и пошли уже.

А это реплика Рори в нашем привычном ритуале. Обожаю их обоих.

– Ты доложишь бумажные полотенца в женский туалет или сделаешь это завтра? – кричит Дин из-за стойки. – Кто-то недавно говорил, что там кончилась бумага.

– Сейчас. – Встаю и собираю чеки в стопку.

За столами осталась всего пара-тройка человек, в основном те, что живут в Каслданнсе, и их лица мне более-менее знакомы. Айрин и Лив поднимаются одновременно со мной. Лив стоит, прижавшись к Кьеру, а тот убирает ей волосы от лица, чтобы поцеловать.

Мой взгляд непроизвольно падает на сидящую с подругами за четырнадцатым столом Эбигейл. У нее длинные, прямые, очень светлые волосы, лицо сердечком и идеальная фигура, и она явно до сих пор не смирилась с тем, что у Кьера уже несколько месяцев серьезные отношения, причем не с ней.

Официанты многое замечают. Пока таскаешь перед собой поднос с бокалами, словно сливаешься с интерьером. Мало кто способен дождаться и не выложить самое сокровенное, пока ты действительно не удалишься из зоны слышимости.

Эбигейл нравился Кьер и, полагаю, нравится до сих пор. Вероятно, он зацепил ее даже сильнее, чем этого можно было ожидать. Эбби популярна, многие мужчины были бы рады, обрати она на них внимание. Когда парни болтают между собой, кое-кто даже делает вид, что так и было... но если бы Эбигейл переспала с каждым типом, от которого я слышала подобное, то могла бы похвастаться очень бурным прошлым. Однако я почти уверена, что большинство этих ребят она отшила. В ее сердце царил только Кьер. Хотя, с тех пор как он глаз не сводит с Лив, Эбби начала чаще появляться с разными спутниками.

В дамском туалете я добавляю полотенца в диспенсер, а после, остановившись перед зеркалом, провожу рукой по коротким прядкам на затылке и смахиваю со лба челку, которая

теперь достаёт мне до самых глаз. Долгое время я ходила с каштановыми волосами длиной примерно до пояса. А в пятнадцатый день рождения отец прямо за эти волосы отволокло меня в мою комнату, потому что утром я посмела из-за гудящего фена прослушать, как сквозь закрытую дверь ванной он прокричал мне, чтобы я поторопилась. Отец заявил, что раздавит Перл, моего волнистого попугайчика, если я рискну выйти из комнаты. В тот день я просто сходила в школу, а праздник не состоялся. Мне даже не разрешили предупредить друзей – когда они звонили, им просто никто не открыл.

Дверь в мою комнату лишь слегка приоткрылась, и то вечером. На следующий же день я позаботилась о том, чтобы отец больше никогда не смог намотать мои волосы на кулак. Мама плакала, когда я вернулась домой с новой причёской, однако с того момента желания вновь отрастить длинные пряди у меня ни разу не возникало.

С тех пор как поселилась в Каслданнсе, из-за отсутствия парикмахера я стригу себя сама. Точнее говоря, Хейзел, мать Дина, порекомендовала мне одну из своих приятельниц, но после первого и последнего визита к этой очень милой пожилой женщине я какое-то время выглядела как Джастин Бибер на заре карьеры. Дин, поганец, ржал как ненормальный и заметил, что ему следовало предупредить меня заранее. Зато потом он на примере собственных волос показал мне, как пользоваться бритвенным станком, и сегодня я уже вполне умело обращаюсь с этой штукой.

Закрываю глаза и стараюсь расслабить мышцы лица. Пару мгновений спустя понимаю, что еле заметная тонкая складочка между бровей все равно никуда не делась. Она не исчезает, даже когда я смеюсь. Об этом мне как-то сказал Дин и провел по ней большим пальцем, словно тем самым мог её разгладить. Мы задержались тогда в «Брейди» до поздней ночи, я была занята подсчётами и не заметила, как Дин подошёл ко мне.

– Почему мне постоянно хочется у тебя спросить, что в тебе не так? – полюбопытствовал он и определенно не поверил ни единому слову из тех глупых пустых отговорок, которые я сочинила. Думаю, я смеялась даже чересчур громко, потому что от неожиданного прикосновения Дина слегка растерялась.

Дин... просто друг. Ну, или как минимум очень на него похож. Ему единственному в Каслданнсе кое-что обо мне известно, а о том, чего не знает наверняка, судя по всему, он догадывается. Даже невзирая на то, что обычно я не обсуждаю свое прошлое. Вместо этого я каждый день снова и снова прилагаю массу усилий, чтобы не думать безостановочно о пережитом. Поэтому последнее, в чем я нуждаюсь, – это люди, которые будут напоминать обо всем случившемся в моей жизни дерьме. Неловкими паузами или сочувствием в глазах.

В Каслданнсе я получила возможность выстроить что-то новое. И пусть временами бывает одиноко, я ещё не готова завязывать с кем-нибудь тесную дружбу.

Друзья задают слишком много вопросов.

* * *

Когда я возвращаюсь из туалета, последние гости уже разошлись. Заканчиваю расчеты и напоследок ещё раз протираю столы.

– Я тебе сегодня ещё нужна? – интересуюсь, отжимая тряпку над раковиной в баре.

– Нет, можешь идти. До завтра.

– О'кей, до завтра. – Не исключено, что мы встретимся ещё до начала новой смены, так как моя однокомнатная квартира расположена непосредственно над пабом, рядом с жилищем Дина. Но домой пока не хочется.

На улице прохладно, однако настоящих холодов мы не видели уже несколько недель. Сейчас, в начале мая, становится заметно, что лето не за горами. Засунув руки в карманы куртки, я глубоко вдыхаю влажный и солоноватый ночной воздух. «Брейди» расположен на длинной

набережной, отделяющей Каслданнс от моря. Я до такой степени привыкла к непрекращающемуся шуму прибоя, что замечаю его, только если сосредотачиваюсь. Каждую ночь я оставляю открытым окно в спальне, потому что перекатывающиеся волны надежнее, чем любой ловец снов, сжимают тени внутри меня до такого размера, с которым у меня получится дотянуть до следующего утра.

Вдоль противоположной стороны улицы проходит широкая каменная стена высотой где-то мне до пояса. Дальше, через пару сотен метров, она прерывается спуском к морю – широкими бетонными ступенями, на которые ветер наносит песок. Сейчас я просто залезаю на потрескавшийся камень и свешиваю с него ноги. Я сделала так после первого вечера в «Брейди», и с тех пор это уже превратилось в привычку. В свете высоких уличных фонарей шагаю по камням и кустикам травы к узкой полосе песка, чуть ли не к самой воде. Иногда в темноте она отражает лунный свет, а иногда, как сейчас, например, когда небом завладевают плотные облака, создается впечатление, что чернильно-черная жидкость просто безразлично выплескивается сюда из вечности.

Я безумно люблю море, почти до боли. Все будто становится легче, пока я стою здесь, у самой кромки воды, но так, чтобы прибой не промочил ботинки. Время от времени даже осмеливаюсь подходить на шаг ближе. Плевать на мокрую обувь. Тянущее чувство, когда волна отступает назад и старается забрать с собой песок у меня из-под ног, стоит того. Уже из-за одного этого я бы ни за что не вернулась к родителям в Талламор.

Еще никогда в своей жизни, даже в самые мрачные часы, я не заходила настолько далеко, чтобы всерьез задуматься о самоубийстве. Я прекрасно научилась ненавидеть и ни за что на свете не подарю отцу такую победу. Но если бы когда-нибудь меня посетила подобная мысль, то однажды ночью я бы просто шла и шла вперед сквозь волны с камнями в карманах.

Думаю о своей сестре.

О матери.

Я верю, что однажды мы снова будем вместе. И тогда трещины исчезнут, тьма во мне рассеется, я исцелюсь и вновь стану цельной.

* * *

Какое-то время спустя я стою в узеньком переулке рядом с «Брейди» и вставляю ключ в дверной замок. Лампа на лестничной клетке отбрасывает желтый свет на стоптанные деревянные ступени. Раньше в этот коридор можно было попасть сразу из паба, не выходя на улицу, но из-за утери ключа Дин просто-напросто забаррикадировал дверь тяжелым потертым буфетом, потому что слишком часто какие-нибудь пьяные идиоты вырубались и спали прямо под дверью его квартиры. И блевали на его коврик. То еще удовольствие для любого владельца паба.

Медленно поднимаюсь по ступенькам, стараясь на каждую наступить ровно в том месте, где она не скрипит. Это моя ночная игра, в которой чуть слышный звук – ничего страшного. Однако практически невозможно добраться от двенадцатой ступени до бесшумной четырнадцатой, не проиграв. Тринадцатая скрипит везде, зараза такая.

Все темные мысли поглотило море и, открывая дверь в свою квартиру, я чувствую лишь смертельную усталость. Жилище у меня крошечное, но это не проблема. Скидываю с ног ботинки, стягиваю куртку с плеч и сразу направляюсь на кухню, чтобы съесть кусочек масляного пирога, который испекла сегодня утром. Пробовать сдобу я люблю почти так же сильно, как и печь. Время от времени ближе к полудню мы с Дином завтракаем у него дома, и когда я впервые принесла свое творение, он весьма удивился. По его мнению, подобные поступки не вяжутся с моим образом.

– Вот если бы ты сказала, что в свободное время ремонтируешь мотоциклы... – проговорил он, хватая с тарелки второй кусок, – но чтобы печь...

С тех пор я регулярно беру с собой что-нибудь собственного приготовления. Не только ради того, чтобы утереть нос Дину с его предрассудками, но и потому, что одной несколько дней подряд есть пирог не особенно-то и весело. Раньше моястряпня уничтожалась очень быстро. Сестра Пиппа, мама, друзья, даже отец иногда съедал кусочек, если начинка была, например, фруктовой. А уж шоколадные бисквиты, как правило, не доживали и до заката.

В Каслданнсе же, наоборот, пришлось умерить свою страсть к выпечке, поскольку нет никакого желания постоянно выбрасывать в мусорку засохшие остатки.

Я отряхиваю ладони от крошек и снова накрываю пирог салфеткой.

Узенький, как в кафе, столик с отслаивающейся белой краской идеально вписался на кухню. Будь он шире еще хоть на пять сантиметров, дверца духовки вообще не открывалась бы. Некоторые люди, говоря, что у них маленькая кухня, подразумевают под этим, что она уютная. Моя точно маленькая. И уютная, по крайней мере на мой взгляд. Окно рядом с посудным шкафом выходит на задний двор, а перед ним я расставила цветные горшочки с травами: базилик, мята, тимьян, душица и розмарин.

Ванная тоже крохотная, но, к сожалению, ни о каком уюте здесь речи не идет. Помещение, куда помещаются только унитаз, душевая кабинка и раковина (настолько мелкая, что нельзя включить кран на полную мощность, иначе вода потечет на пол), не дает ни одного повода назвать себя уютным. Я рада уже тому, что сюда влезла зубная щетка.

Первые пару недель по ночам я всегда принимала душ независимо от того, насколько поздно возвращалась домой. Но через какое-то время оказалось, что достаточно просто побыстрому умыться. В половине третьего меня хватает только на то, чтобы как можно скорее упасть в постель.

Моя спальня расположена напротив кухни и слева от прихожей, где едва ли можно развернуть полотенце на всю длину. Это самая красивая комната, в которой мне когда-либо доводилось жить. За прошедший год я так много времени потратила на то, чтобы ее обустроить, что теперь меня переполняет счастье, стоит просто на нее взглянуть.

Днем широкая кровать прячется под светло-серым стеганым одеялом с белым кружевным орнаментом и массой набросанных сверху подушек разных цветов и размеров. Перед ней, на деревянном полу того же оттенка темного лесного меда, что и полы в пабе, лежит самый теплый и пушистый ковер, какой мне только удалось найти. А еще я вставила в рамки и развесила на стенах большую часть рисунков Пиппы, которые она присылала мне в последние месяцы. Сестра изображает на бумаге птиц, лошадей, эльфов и все, что только приходит ей в голову. На ее месте после школы я бы получила образование в сфере искусства, настолько она в этом хороша.

Возле платяного шкафа как раз хватило места для узкого книжного стеллажа. Все мои книги никогда бы в него не влезли, но на полках стоят только те, что я купила в этом году. Остальные в Талламоре. Может быть, отец и их уже выбросил. Мою старую комнату он уже переделал и хранит в ней коллекцию пластинок и музыкальных инструментов. Входить туда запрещено всем, кроме него. Что случилось с моими вещами, Пиппа не знает.

Но, честно говоря, мне и самой наплевать, что с ними стало. В ту ночь я побросала в свою спортивную сумку только самое необходимое: ноутбук с зарядным устройством, мобильник, одежду, чтобы хватило на ближайшие несколько дней, и Вули. Вули – это потрепанный плюшевый слоник. От времени ткань совсем истончилась, уже два раза мне приходилось заново пришивать ему хобот, а хвост потерялся еще пару лет назад. Я даже не помню, откуда у меня появилась эта игрушка. Наверное, его когда-то купила мне мама. Просто-напросто Вули был всегда. Он должен лежать у меня на кровати, и точка.

Привет, меня зовут Сиенна, четыре недели назад мне исполнилось двадцать, и я сплю с плюшевым слоном. И что тут такого?

Нырять в пижаму и задергиваю шторы на единственном в комнате окне. К счастью, оно выходит на море. Стоя в футболке и удобных спортивных штанах, я приоткрываю форточку на проветривание, бегу в кровать и натягиваю одеяло до подбородка.

Хоть меня и накрывает свинцовая усталость, сразу уснуть не получается. Слышу снаружи шум прибоя и закрываю глаза.

Мама раз за разом уверяет меня, что все хорошо, но от Пиппы я знаю правду. Иногда моя младшая сестра плачет, рассказывая о том, что у них творится.

А я сейчас очень далеко, слишком далеко, чтобы ее защитить.

Море накатывает на скалы и песок у берега, и комнату наполняет постоянно повторяющийся звук разбивающихся волн.

Честно говоря, я хотела повременить. Подождать, пока Пиппа станет достаточно взрослой, чтобы уйти вместе со мной. А потом все произошло так внезапно... Я часто думаю, существовал ли иной путь. Могла ли я остаться. Ответ никогда не меняется.

И теперь Пиппа одна. Одна со слабой матерью и монстром.

Возможно, у меня бы получилось выдержать это еще какое-то время. Я просто обязана была потерпеть. Пиппа очень отличается от меня. Хоть в свои шестнадцать сестра переросла меня на несколько сантиметров, она до сих пор такая... мягкая. Ребенок. Учитывая, что я в четырнадцать лет испробовала большую часть того, что родители обычно запрещают своим детям, у Пиппы до сих пор и парня-то нет. Она кажется по-настоящему беспомощной. И почему-то моложе, чем есть на самом деле, как будто хочет остаться в детстве, чтобы избежать реальности.

Однако сейчас, когда меня там больше нет и никто уже не стоит между ней и мужчиной, из-за которого мы вообще появились на свет, сестра постепенно меняется. Ничего другого ей не остается.

Перевернувшись на бок, я открываю глаза и сквозь темноту смотрю на окно, перед которым чуть покачивается занавеска.

Шум моря. Снова, снова и снова, он никогда не прекращается. Мои веки медленно тяжелеют.

Я бросила Пиппу в беде.

Я прекрасно научилась ненавидеть, в том числе и саму себя.

Глава 2

Примерно неделю спустя Дин одной-единственной фразой полностью выбивает меня из моей так старательно поддерживаемой упорядоченной действительности.

– Я переезжаю к Аланне в Килкенни.

– Что? – В этот момент я проверяю содержимое холодильника в «Брейди» и невольно стискиваю его ручку. Пальцы внезапно начинают дрожать, поэтому я закрываю дверцу. Дин уезжает в Килкенни? Вот так запросто? Он не может так поступить!

– И когда?

– Первого июня.

– Так скоро? – Черт. Это ведь меньше чем через четыре недели. К первому потрясению, что с отъездом Дина я потеряю единственного друга в Каслданнсе, примешивается еще и тревога. – А что будет с «Брейди»? Ты собираешься продать паб?

– Нет, пока нет. – Дин, облокотившись на барную стойку, чуть наклоняется ко мне, в его голосе слышатся успокаивающие нотки. – Первое время пабом будет управлять один из моих друзей, его зовут Нилл. Он придет в конце мая и поселится у Айрин, пока я не освобожу свою квартиру. Мы с Аланной хотим сначала посмотреть, как все пойдет. Совместная жизнь – это же такая штука... – Этими словами он словно пытается уговорить самого себя, но потом снова обращается ко мне: – Я планирую переделать в Килкенни один старый сарай – бар, в который, похоже, даже пьяницы больше не забредают. Полагаю, они просто играют неправильную музыку.

– Но ты же не сможешь забрать с собой Кьера, – мужественно улыбаюсь, а Дин смеется в ответ.

Убеждаю себя, что это не конец света. Пока Дин не продаст «Брейди», этот Нилл вряд ли сможет тут все полностью изменить. Разве что привезет с собой человека, который захочет работать вместо меня, свою подружку, к примеру.

– А ты не знаешь... – Мне приходится прокашляться, прежде чем договорить. – Не знаешь, стоит ли мне переживать за свое место? Просто чтобы я понимала, не начинать ли подыскивать что-то другое.

– Ты шутишь? – Дин удивленно смотрит на меня. – Я надеру задницу Ниллу, если он тебя уволит. Пока что он не станет здесь много чего менять. Не построит вместо «Брейди» ресторан с четырьмя мишленовскими звездами или типа того. К тому же еще не окончательно решено, что он продолжит заниматься пабом, если я действительно останусь в Килкенни. Поэтому твоя должность останется за тобой.

– Хорошо. – Облегчение я прячу за невозмутимым тоном.

– Тебе понравится Нилл, он клевый.

– О'кей.

Вдруг ни с того ни с сего Дин обнимает меня одной рукой за плечи и чмокает в макушку. Примерно секунду я чувствую себя щеночком, а затем он отпускает меня, чтобы открыть дверь.

– Между прочим, я бы замечательно работала и в четырехзвездочном ресторане, – кричу ему вслед.

– В подобных заведениях наверняка не позволяют разгуливать официанткам с татуировками. – Он отдергивает в сторону тяжелую занавеску, которая защищает зал «Брейди» от сквозняка.

– Всего-то одна татуировка!

– Но на запястье, у всех на виду.

– Да она маленькая!

– На запястье.

- На внутренней стороне!
- Запястье.

Вслед за Дином в паб заходят первые гости, и наша перебранка завершается. Если Дин реально останется в Килкенни, а его другу взбредет в голову сделать из «Брейди» четырехзвездочный ресторан, этому парню придется столкнуться с проблемами серьезнее, чем официантка с татуировкой. Как будто такие люди, как Тео и Рори станут тратить крохотную пенсию на пару устриц с петрушкой... в былые времена они съедали по десятку таких же – как перекус. Паб им подходит гораздо больше, как и всем остальным здесь, в Каслданнсе, включая меня саму. Прикрепляя на пояс кошелек, быстро опускаю взгляд на свое запястье.

Никогда
Никогда
Никогда
Не сдавайся

Тонкие буквы четырьмя написанными друг под другом строчками украшают мою бледную кожу. Это тату стало моим прощальным подарком самой себе. Моим прощальным обещанием.

Первые пару недель я по сто раз на дню сжимала кулаки и смотрела на левое запястье, чтобы раз за разом напоминать себе, что могу со всем справиться. Просто обязана. И это работало.

Эбигейл приходит в числе первых посетителей. Садится – пока еще одна – за четырнадцатый столик и достает из сумочки зеркальце, чтобы проверить помаду. С блокнотом в руке я направляюсь в ее сторону и захватываю с собой меню. Если она так рано появляется в «Брейди», то, как правило, заказывает что-то из еды.

- Привет, Эбби. Уже решила, что будешь пить?
- Принеси один имбирный эль, хорошо? – отвечает она, не поднимая глаз.
- Будет сделано.

Насколько любят Эбби мужчины, настолько же ненавидят женщины, и связано это по большей части не с завистью из-за ее красоты, а с тем, что она частенько ведет себя как высокомерная стерва. Но, несмотря на это, мне она почему-то нравится. Она, как и я, носит маску. У того, что Эбигейл такая, какая есть, наверняка имеется своя причина, даже если я ее не знаю.

Тео и Рори уже заняли свой любимый столик. А за седьмой как раз присаживается Айрин, рядом с которой я притормаживаю ровно на одну секунду.

- Воды и спросить у Нелли про особое рагу?
- Айрин радостно улыбается и заправляет за ухо рыжий локон.
- Точно, спасибо.
  - Нет проблем.

- Как только передаю Дину заказы на выпивку, заглядываю на кухню.
- Нелли? Айрин пришла. Вегетарианское рагу осталось?

Повариха в данный момент занята приготовлением салата на гарнир. Она начинает работать с шести, на час раньше меня, и освобождается в одиннадцать вечера. С десяти часов голодные клиенты паба вынуждены перебиваться орешками и чипсами.

– Еще много. Сколько нужно порций? Одну или две? – Нелли вытирает руки и поворачивается к холодильнику.

- Одну, но приятно осознавать, что его хватит и для Лив, если она сегодня появится.

Айрин и Лив – единственные вегетарианки на весь Каслданнс, и Нелли, добрая душа, всегда оставляет для них запас рагу без мяса. У нее почти всегда хорошее настроение, но если уж психует, лучше оставить ее в покое. Не единожды повариха устраивала быструю расправу

надо мной или даже над Дином, когда мы мешали ей работать. Хоть к Дину она и должна бы относиться с уважением, это ничуть не мешает Нелли выгонять его из кухни, как одного из своих уже выросших сыновей.

В следующие три часа народу значительно прибавляется, а в районе десяти протискиваться сквозь толпу мне удастся лишь с дикими воплями «Прошу прощения!». Причем орать приходится во всю глотку, чтобы перекрыть не только музыку, но и довольный гомон людей. Однако в большинстве случаев посетители сами с готовностью уступают мне дорогу. Во-первых, я та, кто снабжает всех здесь топливом, а во-вторых, публика в «Брейди» в основном дружелюбная. В отличие от пабов, знакомых мне по Талламору. Тогда я еще не работала официанткой и не часто выбиралась из дома, однако стоило попасть в подобное заведение, и едва ли удавалось избежать ситуаций, когда какой-нибудь идиот хватал своими лапами меня за задницу. В «Брейди» такое происходит настолько редко, что я склонна считать единичные поползновения в этом направлении банальной ошибкой – обозначились.

Что же касается случайных потасовок, «Брейди» ничем не отличается от заведений в моем родном городе, и то, что я отчаянно это ненавижу, к сожалению, никак не влияет на происходящее.

Где-то чуть за полночь у барной стойки неожиданно раздается рев. Смесь алкоголя и проснувшейся на его почве мании величия явно снова привела к стычке, и я, стиснув зубы, мечтаю сослать этих дебоширов на Луну. А конкретнее – на ту ее половину, что отвернута от Земли. Почему мужчины то и дело возвращаются в каменный век, стоит им только перебраться? Не знаю я о большинстве, что они совершенно нормальные ребята, пока от пива не сгорают их внутренние предохранители, давно бы уже подыскивала себе другую работу. Тупые кривляющиеся гориллы.

Разнимать таких идиотов Дин поручает Фергасу, за что тот бесплатно ест и пьет в «Брейди». Фергас – великан с рыжей бородой, неизменно одетый в клетчатую фланелевую рубашку, а идущий с ней в комплекте топор люди обычно додумывают сами, едва он выпрямляется перед ними в полный рост. В течение дня он торгует в единственном в Каслданнсе сувенирном магазинчике, а по вечерам превращается в неофициального вышибалу нашего паба. Часто хватает уже того, чтобы он просто встал между двумя спорщиками.

Впрочем, не сегодня.

Колм, вспыльчивый парень, пытается пролезть мимо Фергаса, чтобы сцепиться с худощавым типом с острыми плечами, которого я прежде не видела в «Брейди».

– Отвали, Фергас! – выплевывает он, старясь стряхнуть ладонь здоровяка со своей руки. О том, что это не подействует, Колм и сам должен быть в курсе. Но вместо того, чтобы успокоиться, он только сильнее заводится. Трудно поверить, что этот Румпельштильцхен¹ с покрасневшим лицом работает в Кэрсивине зубным техником. Я-то всегда думала, что для такой профессии нужно быть гораздо более терпеливым.

– Ах ты, говнюк чертов! – выкрикивает Колм, и не совсем понятно, имеет он в виду Фергаса или тощего. А тот, в свою очередь, облакачивается на стойку, провокационно скалясь и демонстрируя кривые передние зубы, и салютует Колму стаканом. Ну что за придурок.

Колм вырывается, и я вздрагиваю, когда Фергас своей огромной лапицей блокирует его резкий удар. Хлопок, и вой Колма слышен даже посетителям за третьим столиком. Почти все гости поворачивают шеи в направлении бара, а я с подносом, полным пустых бокалов, спешу в противоположную сторону. Не хочу на это смотреть. Мне сразу становится плохо.

Лучше уж пройти еще один круг по пабу, даже если все время придется таскать с собой тяжелый поднос.

---

¹ Румпельштильцхен – злой карлик-колдун из сказки братьев Гримм.

– Сиенна! Как ты кстати. Нам нужно еще два «Гиннеса», на этот раз последних. – Тео услужливо подталкивает ко мне свою пустую пивную кружку, пока я пытаюсь разместить на переполненном подносе стакан Рори.

Руки дрожат.

– Поняла, – бормочу я.

– Кто-то доставляет неприятности? – Тео слишком хорошо меня знает, чтобы правильно истолковать выражение лица. – Фергас сейчас наведет порядок.

Он на мгновение накрывает мою ладонь своей, и я улыбаюсь в ответ. Почему все мужчины не могут быть такими абсолютно расслабленными, как Тео? Они с Рори – одни из самых добродушных и милых людей, с которыми я знакома. И хоть мы никогда не обсуждали эту тему, но знаю, что Тео так же, как и я, терпеть не может драки. Вот бы в мире было побольше таких Тео и Рори, а звереющих Колмов и тощих подливателей масла в огонь – поменьше.

У четырнадцатого столика я ненадолго задерживаюсь. Эбигейл сидит уже в компании Оуэна Плама, парня, с которым она, полагаю, вряд ли осталась бы рядом, если бы узнала, что он о ней болтал.

– Принесешь нам еще два лагера? – Оуэн так далеко закинул руку на плечи Эбби, что его свисающая ладонь касается ее груди. Я изо всех сил стараюсь не присматриваться к тому, что там вытворяют его пальцы.

– Сейчас.

– И один «Бейлиз»². – Кажется, Эбби не мешают приставания Оуэна. Наоборот, она кладет голову ему на плечо и хихикает. Больше всего мне хочется посоветовать ей отправляться домой, причем одной.

Я со звоном ставлю поднос на стол, чтобы записать заказ, хотя мне это вообще ни к чему. А когда опять его поднимаю, заставляю стаканы слегка покачнуться в сторону Оуэна. Тот испуганно вскидывает руки.

– Упс! – восклицаю, прежде чем в последний момент выровнять свою ношу. Одариваю парня извиняющейся улыбкой. – Прости. Слава богу, ничего не случилось.

Эбигейл чуть отстраняется, и пусть я прекрасно понимаю, что мой поступок, скорее всего, ничего не изменит для них сегодня вечером, удаляюсь, довольная собой.

Вновь подойдя к барной стойке, вижу, что Колм исчез, а худой мужчина разговаривает с Дином. Я игнорирую его кривозубую ухмылку и протискиваюсь мимо босса, чтобы отдать листки с заказанными напитками и выгрузить пустую посуду.

– А у вас тут симпатичные официантки, – доносится до меня, и одновременно Кривой Зуб все-таки отправляется в мой воображаемый ящик с пометкой «идиоты». – Она тоже уедет в Килкенни?

– Нет. – По тону Дина слышно, что он говорит с парнем из чистой вежливости. – Она останется в «Брейди».

– Тогда я, пожалуй, как-нибудь снова загляну. Нальешь мне еще эля, крошка?

Дин коротко касается моего плеча, и я понимаю молчаливую просьбу: «Не обращай на него внимания, я сам все сделаю».

– Я налью тебе пива в баре, – прохладно отвечает Дин.

Теперь я окончательно убеждаюсь, что он ничего не может поделать с худощавым парнем. В этом плане у нас с Дином полная гармония, и я уверена, что он бы без церемоний велел Фергасу вышвырнуть парня из бара, если бы тот стал чересчур навязчивым. На миг задаюсь вопросом, как все сложится с другом Дина, а потом опять отбрасываю эту мысль. Очень скоро я и сама это выясню.

---

² «Бейлиз» – марка ирландского сливочного ликера.

* * *

Тем не менее позже, когда я зарываю ноги в мокрый песок и вслушиваюсь в ночное море, мысль возникает снова. До переезда в Каслданнс я даже представить себе не могла, что буду работать официанткой в пабе. По правде говоря, я даже завсегдатаем подобных заведений не была. Как только в игру вступает спиртное, люди всегда становятся не в меру громкими, не в меру возбужденными, не в меру оживленными. А мне не нравится непредсказуемость, которая часто из этого следует. Кейден, мой бывший из Талламора, из числа тех, кому под воздействием алкоголя не особенно удается себя контролировать. Это не единственная его ошибка, что я, впрочем, поняла слишком поздно.

Надеюсь, этот Нилл похож на друга и постарается вовремя осаживать напившихся посетителей или парочкой дружеских фраз отправлять их по домам. Мой нынешний босс овладел этой способностью в совершенстве.

И тут меня озаряет, что я по-настоящему буду скучать по Дину. Он был первым, с кем я познакомилась в Каслданнсе. Никогда не задавал больше вопросов, чем я способна выдержать. А еще он помог мне, не имея ни малейшего понятия, что я собой представляю.

Если бы не моя подруга Ив, кто знает, чем бы все обернулось. После того как я прибежала к ней, она не только разрешила переночевать у себя дома, но и, недолго думая, взяла мою судьбу в свои руки, позвонив своему двоюродному брату Дину.

– Тебе нужно взять паузу, Сиенна, – постановила она и объявила Дину, что нашла прекрасное решение его проблемы. Роза, моя предшественница в «Брейди», на тот момент по уши влюбилась в парня из Дублина и по окончании его отпуска уехала с ним. Паб одиннадцать дней «варился на медленном огне», а потом пришла я. Можно сказать, идеально подгадала время.

Ив ляпнула Дину, что у меня есть опыт, хотя это не так. Еще она рассказала, что я решительная, умею командовать и обращаться с большими компаниями. В принципе это сошло бы за правду, добавь она, что у меня моментально начинают трястись колени, как только в обстановке проявляется агрессия. И под словом «агрессия» я понимаю даже те якобы дружеские тычки, на которые периодически срываются парни.

А потому Дин ожидал высокую энергичную женщину, такую, какой, вероятно, была Роза, и немного удивился, увидев меня. Ростом метр шестьдесят один, худенькую, бледную и со все еще отливающей фиолетовым половиной лица. Об этом обстоятельстве Ив, напротив, явно не упомянула в разговоре с Дином, судя по тому, с каким ужасом он уставился на мою щеку.

– Ладно, – несколько секунд спустя выдал он и взял мой рюкзак, – я покажу тебе твою квартиру. Ты же правда уже работала в пабе или как?

– Конечно.

Очень мило со стороны Дина, что он ни разу не припомнил мне эту откровенную ложь. Даже после самого первого вечера в «Брейди», когда ему пришлось практически в одиночку справляться со всем пабом. Он не отпустил ни единого комментария про жалобы от некоторых гостей, которым принесли не те напитки. Или вообще не принесли. Или чье пиво оказалось не на столе, а на брюках. Вспоминая об этом, я глубже втыкаю носок ботинка в сырой песок.

Вчера плотные облака заслоняли весь свет, но сегодня на небе сияет луна – яркий серебристый круг, покрывающий бесконечное море сверкающей сетью. Волны тихо накатывают на песок, и ветра почти нет.

Дин оказался первым человеком в Каслданнсе, которого я так или иначе смогла назвать другом, и до сих пор остается единственным. Поначалу я время от времени еще созванивалась с Ив, но... Хотелось бы свалить все на расстояние, ведь люди неизменно отдаляются друг от друга, стоит им реже видеться, но если быть честной, то признаюсь, что тогда дистанцию между нами установила именно я. В течение первых недель я просто была не в состоянии заботиться

о чем-то, кроме самого необходимого. За исключением сестры, конечно. Прежде чем я попыталась объяснить это Ив, прошло слишком много времени, и ощущение, что у меня не получилось по-настоящему до нее достучаться, по сей день причиняет боль. Она заверила, что все в порядке и что я не обязана постоянно держать ее в курсе событий. Не то чтобы случилось что-то такое, о чем я могла бы рассказать подруге. Как ни крути, а доклад в духе «сегодня я встала и продолжила существовать» звучит не очень-то впечатляюще.

Несмотря на то что я этого хотела и несмотря на то что этого, наверное, хотели мы обе, разделяющее нас расстояние преодолеть не удалось. Я что-то сломала в нашей дружбе, а некоторые вещи не так просто починить. Возможно, у нас когда-нибудь получится стать подругами. А пока я просто благодарна Ив за то, что она, не задумываясь, помогла мне.

И вот теперь, когда Дин переедет в Килкенни, у меня не останется никого, с кем можно поговорить. Естественно, в «Брейди» я общаюсь со многими людьми, но это просто поверхностная болтовня. Мне все-таки придется менять свое поведение. Однажды Айрин приглашала меня к себе домой, а недавно она и ее подруга Лив спрашивали, нет ли у меня желания присоединиться к ним и устроить вечер просмотра фильмов. До сих пор я находила отговорки, как и всякий раз, когда дело доходит до личного. Я просто не хочу отвечать на вопросы, а лгать почти не умею. Может, надо с самого начала дать понять, что я не намерена распространяться на тему своего прошлого?

Не сводя глаз с моря, приседаю на корточки и пропускаю между пальцами рыхлый, перемешанный с мелкими камешками песок.

Пару часов назад звонила Пиппа, но не оставила сообщения. Завтра утром первым делом наберу ей, ведь сейчас она уже точно спит. Если сестренка не записывает сообщение на автоответчике, обычно это означает, что она собиралась просто обсудить какое-то событие в школе или сказать, что соскучилась.

Только если все совсем плохо, она просит перезвонить, и тогда я делаю это, как бы поздно ни было. Я знаю, что она не уснет, пока не услышит хотя бы мой голос, раз уж моя взрослая младшая сестричка больше не может меня обнять.

Ах, Пиппа.

В тысячный раз раздумываю, не оформить ли ее в школу в одной из соседних деревень и не перевезти ли к себе в квартиру. Когда-то в телефонном разговоре я аккуратно ей на это намекнула, но беспокойство Пиппы о нашей матери перевешивает даже страх перед отцом.

Что заставляет детей становиться живыми щитами?

И разве не должна я сама знать ответ на этот вопрос?

Кожу царапает острый край ракушки, и я машинально сжимаю ладонь в кулак. А через секунду бросаю песок и осколки сломанной раковины и вытираю руки о джинсы, после чего поднимаюсь и делаю глубокий вдох. В последний раз сегодня ночью я открываюсь, насколько это возможно, виду моря, концентрируюсь на запахе соли и водорослей и равномерных всплесках волн, а затем по песку, камням и траве бреду обратно на улицу.

Глава 3

– А, Сиенна, мы как раз говорили о тебе.

Удивленная непривычным приветствием Дина, я замираю, все еще сжимая в руке ключ, которым только что заперла за собой дверь «Брейди».

Увидеть за барной стойкой Дина было ожидаемо, а вот парень рядом с ним мне абсолютно незнаком.

– Отлично, тогда я сразу вас друг другу и представлю. Это Нилл. Нилл Кеннан. Нилл – Сиенна Салливан.

Это?..

Чтоб тебя, Дин!

Это так типично для него – не предупредить меня заранее. Он когда-нибудь слышал о первом впечатлении? О том, которое вы, возможно, не хотели бы испортить у своего нового начальника? К счастью, я хоть голову до этого помыла.

Когда заходила, я слышала голоса, но подумала, что Дин болтает с Нелли. Та в данный момент, вытянувшись в струнку, восседает на одном из барных стульев и быстро улыбается мне, а потом одаривает другой, сияющей, улыбкой человека, с которым Дин меня только что познакомил. Я выпрямляю спину.

Ладно. Значит, это Нилл Кеннан.

– Его появление и для меня оказалось сюрпризом, – вскидывает руки в извиняющемся жесте Дин, верно истолковав мое выражение лица.

– Просто так совпало, – заговаривает Нилл и обезоруживающе улыбается. У него короткие волосы, в полумраке паба отливающие практически черным цветом, легкая щетина подчеркивает выразительные скулы, и стоит он в расслабленной позе, присущей людям, которым плевать на мнение окружающих. А мой новый босс весьма привлекателен, уверена, у бара сегодня гарантированно будет не протолкнуться.

Я все еще обнимаюсь с занавеской перед входом, когда Нилл, протянув руку, выходит из-за стойки. Он высокий, выше Дина, а свободная рубашка чуть тесновата ему в груди. Руки мускулистые и до самых запястий покрыты татуировками. Попутно отмечаю, что он нанес на кожу не мешанину неопределенных случайных изображений. Тонкие линии и плавные переходы указывают скорее на целостный, четко продуманный рисунок... А затем его теплые пальцы сжимают мои в крепком рукопожатии. Я таращусь на карие глаза под густыми бровями, на губы, которые сейчас слегка изгибаются в улыбке.

– Привет, – произносит он, и его голос посылает волну мурашек вдоль моего позвоночника. – Рад с тобой познакомиться.

– Я тоже рада, – на автомате отвечаю я.

– Нилл хочет для начала сам на все взглянуть, – сообщает мне Дин из-за барной стойки.

Нилл отпускает мою ладонь, и она на несколько лишних секунд зависает в воздухе, прежде чем я судорожно ее опускаю. У меня так и не получается оторвать взгляд от этих глаз. Дин должен был не просто предупредить меня о его приходе, а добавить, что мой новый шеф принадлежит к тому типу мужчин, от которых даже Нелли смеется иначе, а ей уже шестой десяток пошел. Знай я это заранее, возможно, не вела бы себя так глупо. Моргаю и наконец опускаю голову. Хочется надеяться, что Нилл ничего не заметил.

– Хорошо, тогда... я начну.

Решив принять максимально невозмутимый вид, топаю сначала мимо Нилла, а потом мимо Дина и Нелли в кладовую. Там я пару секунд просто стою и, во-первых, злюсь на себя за то, что не смогла выдать хотя бы пару вежливых слов, а во-вторых, прикидываю, что бы взять отсюда, оправдывая свой побег в подсобку. Никому не обязательно знать, что мне на минутку

захотелось побыть в одиночестве, чтобы восстановить контроль над мимикой. Так неприкрыто пылится на собственного босса – вероятно, самое неловкое, что только можно сделать, в этом я даже не сомневаюсь. Он либо мысленно внесет меня в свой список «по-быстрому», либо станет избегать на всякий случай. И одно, и другое определенно принесет нашим будущим профессиональным отношениям больше вреда, чем пользы.

В итоге я беру коробку со свечами и, расправляя плечи, выхожу из кладовки. Дина и Нелли нигде не видно, они, скорее всего, на кухне. Тем временем Нилл, напротив, сидит в баре, приложив смартфон к уху, и вскидывает голову, когда я появляюсь. Его улыбка, перед тем как он опять отворачивается, приводит к тому, что я едва не врезаюсь в барную стойку.

Алло? Реальность вызывает Сиенну. Может, попробуешь уже сосредоточиться на работе?

Поспешно хватаю еще и тряпку и приступаю к проверке зала. Пока протираю столы и иногда меняю свечи, мне стоит огромных усилий периодически не поглядывать в сторону бара. Когда добираюсь до столика номер восемь, Нилл над чем-то смеется. Очень приятный смех. Добрый. И неожиданно я перестаю так нервничать при мысли, что с июня буду каждый вечер работать вместе с этим парнем. Разумеется, он мой будущий шеф, но и Дин тоже, а мы, несмотря на это, подружились. Почему с Ниллом не может быть так же?

* * *

В течение вечера становится ясно, что в своих прогнозах я не ошиблась: половина посетителей устремляется к бару за напитками самостоятельно. Женская половина, если точнее. Большинство из них, по всей видимости, не отлепились бы от стойки, даже если бы на сцене сегодня играл Кьер. Лив бы это понравилось. Уверена, ей на ум не единожды приходила идея подарить Кьеру футболку с надписью: «Руки прочь! Этот мужчина уже занят!»

Пока все вполне предсказуемо. Однако позже Нилл завоевывает расположение и мужской аудитории, щедро разливая им выпивку за свой счет. В промежутке он исчезает на кухне, а когда двадцать минут спустя Нелли покидает рабочее место, пока качающаяся дверь вновь не захлопывается, я успеваю заметить, как она ему подмигивает. Глазам своим не верю.

Даже Тео в какой-то момент подтягивается к бару, чтобы лучше присмотреться к Ниллу, а после того как в итоге они чокаются бокалами, я окончательно свыкаюсь с ощущением, что «Брейди» приветствует своего давно потерянного сына. Несомненно, Дин мог бы выбрать преемника и похуже.

Как, ради всего святого, Нилл это делает? Я была на сто процентов убеждена, что кто-то вроде Тео не поведется ни на карие глаза, ни на громкий заразительный смех, но этому парню однозначно удалось за один-единственный вечер очаровать весь паб. Возможно, уже сейчас он завел себе здесь больше друзей, чем я за целый год.

– Не хочешь сделать небольшой перерыв? – спрашивает он около полуночи, когда я приношу новую порцию пустых бокалов, и забирает поднос из моих рук.

– Эмм... – Я удивленно таращусь на него.

– Ты за весь вечер ни разу не передохнула и даже не пила ничего. Или я просто не заметил? – Он мимоходом ставит стаканы перед Дином, которому хватает приличия хотя бы выглядеть огорченным за спиной у Нилла.

– Вообще-то перерывов тут не бывает, – начинает Дин и откашливается, когда Нилл поворачивается к нему, высоко подняв брови. – Мы все работаем на износ, – добавляет он в свою защиту.

Он не лжет. Даже сейчас, пока говорит, Дин снимает бокалы с подноса и опускает их на щетки в мойке.

– Тогда как насчет второго официанта? Хотя бы на пару часов? – интересуется Нилл.

– Зачем? Все же и так работает, – поясняет Дин, не поднимая взгляд.

– Как скажешь, – пожимает плечами Нилл, но что-то в его тоне подсказывает мне, что он только что принял несколько решений.

Дин тоже это замечает.

– В захолустье вроде Каслданнса новую официантку не найдешь, – заявляет он. А я едва удерживаюсь от комментария, что он до сих пор ни разу не пробовал. – Да и что я тогда скажу людям? Извините, вам придется подождать, потому что Сиенна прилегла, подняв ножки? – На лицо Дина возвращается привычная ухмылка. – Сделай мне одолжение и не устраивай тут сразу профсоюз, ладно?

– Посмотрим. – Нилл улыбается одновременно и Дину, и мне, и тут я понимаю, как у него получилось в мгновение ока завоевать весь «Брейди» – он видит людей. Он их по-настоящему замечает. Без понятия, как он углядел, что я и вправду не сделала сегодня ни глотка воды – когда много дел, я порой просто об этом забываю, – но это бросилось ему в глаза. До этого момента он казался мне всего лишь привлекательным, но теперь я начинаю испытывать настоящую симпатию, а Сиенна Салливан редко так быстро начисляет кому-то бонусные баллы в этой категории.

С полностью загруженным подносом начинаю новый круг по пабу и почти сразу краем уха слышу, как Эбигейл и ее подружки обсуждают татуировки Нилла, пока я расставляю перед ними напитки.

– Смогу, конечно! – Звонкий голос Эбби вынуждает меня прислушаться. В следующий миг она вскакивает и направляется к барной стойке. Две ее подруги тут же приподнимаются из-за стола, чтобы не упустить девушку из виду, а я тороплюсь вслед за Эбигейл обратно к бару, несмотря на то что у меня на подносе еще остались не розданные стаканы.

Она машет Ниллу, и, когда тот наклоняется к ней, обвивает рукой его шею и целует в щеку. Несколько парней у стойки хохочут, Дин выгибает брови, а сам Нилл на мгновение выглядит настолько же обескураженным, как и я. А потом тоже начинает смеяться.

К этому моменту я подхожу достаточно близко, чтобы услышать, что говорит ему Эбигейл:

– Просто спор, прости. – Наклонив голову, она смотрит на него, хлопая ресницами. – Надеюсь, ты не обиделся.

– Ерунда, – отмахивается Нилл. – И что ты за это выиграла?

– Честь и славу.

– За это стоит бороться.

– Не такая уж сложная была борьба, – парирует Эбигейл с той самой дерзко-невинной улыбочкой, на которую способна только она. – Что делаешь после работы?

– Меня сегодня кое-кто ждет, – очень мягко произносит он.

Однако подтекст его слов однозначен, и на лице Эбби написано глубокое разочарование.

– Ах, вот как... ясно... ну, тогда... – Она делает шаг назад. – И все равно я рада, что ты скоро будешь чаще тут появляться.

Если бы меня так мило отшили, я бы не смогла вести себя настолько уверенно. За это я снова восхищаюсь Эбигейл.

– А просто самому взять себе стакан нельзя? – доносится из-за моей спины.

Как раз вовремя, чтобы отодвинуть поднос на безопасное расстояние от Фергаса.

– Руки прочь! Заказывай так же, как и все остальные.

Он подмигивает мне, давая понять, что спрашивал не всерьез.

– Я еще свое не допил, благодарю. Просто подумал, что пора вывести тебя из этой бодрствующей комы, пока кто-нибудь не споткнулся о твое тело.

Даже выпрямившись в полный рост, я достаю Фергасу только до плеча, и ему очень нравится меня этим дразнить. Показываю ему язык и продолжаю разносить оставшиеся напитки, прежде чем кто-то справедливо пожалуется на выдохшееся пиво.

Значит, у Нилла есть девушка. Понятно. Ничего удивительного на самом деле. Интересно, переедет ли она с ним в Каслданнс? В квартире Дина достаточно места для двоих, так что вполне возможно. Понадобится ли ей тоже потом работа? Если и так, теперь я не думаю, что Нилл выгонит меня на улицу. Но примет ли он ее мне в напарницы?

Я чересчур резким движением ставлю последний бокал эля на двенадцатый столик, и жидкость едва не выплескивается через край.

Кажется, пришло время подумать о чем-то другом, а то в голове только и крутится одно имя – Нилл.

В конце концов, не так уж он и интересен.

* * *

Когда в районе двух часов ночи я закрываю за собой дверь «Брейди», ноги у меня горят, а шея ощущается одной большой раной. Но, несмотря ни на что, как и каждую ночь, я карабкаюсь на холодный камень стены и плетусь вниз, к узкой полоске песчаного пляжа. Осторожно перебравшись через валуны, выуживаю из кармана смартфон.

Дин, Нилл и Фергас сидели в баре, когда я уходила. Их приглашение присоединиться и немного выпить пришлось отклонить. Я устала и планировала за пару минут заправиться ночным воздухом и морем, а потом быстро заползти в постель. С Ниллом в качестве шефа мы явно поладим. Думаю...

Моментально забываю, что я там думала, потому что примерно полтора часа назад Пиппа оставила мне голосовое сообщение.

– Бунтарка? Перезвони мне, пожалуйста, не важно, во сколько.

Внезапно задрожавшими пальцами набираю номер сестры.

И так каждый раз.

Снова и снова страх перед тем, что она расскажет. Пока устанавливается соединение, к страху присоединяется беспокойство, что она не возьмет трубку. И что мне тогда делать? Что мне делать в третьем часу ночи, если не смогу дозвониться до своей младшей сестры, после того как она тонким растерянным голосом оставила сообщение на автоответчике? «Перезвони, не важно, во сколько...»

Пожалуйста, Пиппа, подойди к телефону. Господи, умоляю...

– Сиенна?

– Пиппа! Что стряслось? Ты уже спала, все в порядке? – Слишком много вопросов зараз, и я с усилием останавливаюсь. Если бы я только могла прямо сейчас увидеть сетренку, все было бы гораздо проще.

– Это... ох, Бунтарка!

Пиппа начинает плакать, и мне хочется бежать к ней, а вместо этого в следующий миг я оступаюсь на камне, поскольку есть дела поважнее, чем смотреть себе под ноги. Дико размахивая руками, лишь через несколько секунд паники мне удается обрести равновесие и глубоко вздохнуть.

– Пиппа? Что случилось?

– Я больше так не могу, Сиенна. Что мне делать? Я ненавижу его, ненавижу, ненавижу, ненавижу его так сильно...

– Да что произошло?

Наверное, он избил мать, а затем Пиппу, так как она бросилась между ними. Или сразу начал с сестры, потому что знал, что она попытается помешать ему оторваться на маме.

На другом конце линии слышны только рыдания Пиппы, каждый ее всхлип ранит меня в самое сердце, разрывает его на куски, заставляет истекать кровью.

– Расскажи мне, Пип... что случилось?

– Мама в больнице.

– Как?

– Он ее... она...

– Что он сделал, Пиппа? Он так избил ее, что она...

– Она упала. Он толкнул ее на плиту, а потом она упала. И зацепила сковородку, а кипящее масло... ее нога...

Всхлипывания Пиппы становятся громче.

– Тшшш... Пип... Пиппа, ты с ним одна в доме? Он рядом?

О боже, стоит ему услышать, что сестра плачет... понять, что она говорит по телефону...

– Я у Скарлет.

Слава богу. Скарлет – это лучшая подруга Пиппы.

– Побудь пока у Скарлет, слышишь?

– Но мне надо забрать свои школьные вещи.

– Я приеду! Я приеду утром, не ходи туда одна!

– Ты не обязана, Бунтарка. Завтра до обеда мы со Скарлет вынесем мои вещи. Пока он будет на работе.

– Может, мама Скарлет могла бы...

– Она вообще еще не в курсе, что я здесь. Она уехала на целую неделю, бабушка Скарлет приходит раз в день. И мы не скажем, почему я останусь тут на пару дней. Скарлет считает, что тогда ее мама точно об этом сообщит. – Голос Пиппы звучит уже гораздо тверже. – А я не хочу... запустить какой-нибудь процесс, понимаешь? Мне кажется, лучше всего будет, если я поживу тут до тех пор, пока мама не вернется домой.

«И тогда все вновь станет как прежде», – думаю я, но не произношу вслух, прекрасно понимая, что ничего этим не добьюсь. Мы всегда боялись, что нас заберут, что с большой долей вероятности разлучат, если кто-то что-то узнает. Лет в восемь или максимум девять я единственный раз упомянула учительнице, что у меня проблемы дома. Та после разговора с моей матерью успокоилась, а дома родительница так плакала, что от страха и раскаяния я тоже разрыдалась вместе с ней. Ничего не изменится, пока мама держит язык за зубами.

– А еще ты могла бы приехать сюда... – начинаю я, хотя ответ Пиппы мне уже давным-давно известен.

– А мама?

Мне хочется ответить, что мама справится, но язык не поворачивается произносить столь явную ложь.

– Возможно, она тоже все-таки уедет... если мы обе...

У меня просто-напросто не получается закончить фразу. Если мы обе ее бросим? Уехала бы она в таком случае? Нет. Она никогда не покинет его, какой бы ни была причина. Потому что боится. Потому что он ей угрожает. Потому что он постоянно внушает ей, что без него она ни на что не способна. А может, еще и потому, что бывают эпизоды, когда он становится совсем другим: добрым и любящим. Иногда он даже приходит с подарками и обнимает ее.

Именно в такие моменты я ненавидела отца больше всего, ночь напролет лежа в кровати без сна и ожидая, когда его настроение опять перевернется с ног на голову. Такое могло случиться за ужином, или утром перед школой, или в три часа ночи в спальне неожиданно раздавался приглушенный вскрик. Предсказать это было невозможно...

– Если мама останется с ним совсем одна... рано или поздно что-нибудь случится, – говорит Пиппа.

«Да ведь уже случилось!» – хочу заорать я. Невысказанные слова разрастаются и оседают камнями у меня в глотке. Медленно вдохнуть и снова выдохнуть. В попытке не дать ярости и отчаянию окончательно себя раздавить, я едва не прослушала следующую реплику сестры.

– Мамин мобильный я тоже завтра заберу. Тогда ты сможешь с ней связаться.

Через силу проглатываю камни.

– Ты вызвала «Скорую помощь»?

– Да.

– А где был?..

– Он открыл им дверь и сказал, что понятия не имеет, что произошло.

Как может шестнадцатилетняя девочка говорить с такой горечью...

– Пиппа, так больше не может продолжаться.

– Ну, теперь-то я у Скарлет.

Нет смысла спрашивать, почему Пиппа не рассказала медикам правду. Что, если бы ей не поверили, когда отец развеял бы их сомнения? В этом он мастер. Но, даже возникни у кого-то подозрения, мама всегда подтверждает его вранье. Врачи увезли бы ее и оставили Пиппу с отцом.

– Может, мне повезет задержаться у Скарлет подольше.

– Пип...

– А что мне еще остается, Бунтарка? Рассказать кому-нибудь? Только ведь и ты никому об этом не говорила.

Верно, я до сих пор не раскрывала никому всей правды.

– Со мной уже все хорошо, – уверяет Пиппа. – Ну, или в какой-то момент я просто дам деру. Как ты.

Как я. Представив, что Пиппе придется сбегать по тем же причинам, что и мне, я начинаю часто-часто дышать.

– В конце концов, пора уже что-то менять, – произношу я.

– Пообещай, что не станешь ничего предпринимать у меня за спиной! – внезапно паникует сестра. – Это не твое решение! Я вообще тебе больше ничего не расскажу, если ты так поступишь!

– Не буду, – устало отзываюсь я, – обещаю.

Мгновение спустя я опускаюсь на сырой песок, прощание Пиппы эхом отдается у меня в ушах, и я тру щеки ледяными пальцами. Только сейчас в сознание снова просачивается внешний мир, мягкий шум прибоя, запах соли и тот факт, что щеки у меня мокрые.

Он ее толкнул... Изнутри поднимается тошнота. Меня в ту ночь он тоже толкнул. Сначала.

Негромкий звук заставляет меня резко обернуться. В мою сторону по камням движется высокая фигура, тень в тусклом свете уличных фонарей, которая замедляется, обнаружив меня.

– О, прости, я тебя не увидел... это всего лишь я, Нилл.

Нилл? А он что тут делает? Я неуклюже встаю на ноги и тоже смотрю на него.

– Эй, – говорит он, останавливаясь рядом, – извини, не хотел тебя напугать.

– Да ты не напугал. – По крайней мере, не очень. – Что ты здесь делаешь... имею в виду, в такое время?..

– Мне обязательно нужно хотя бы раз побывать у воды, если я оказываюсь рядом с морем, – объясняет он. – А ты почему тут?

– Чтобы... подумать.

Не будь я сейчас настолько взвинчена или если бы ожидала этого вопроса, скорее всего, сочинила бы ответ получше. Бросаю короткий взгляд на Нилла, однако в слабом сиянии луны не замечаю у него на лице ни следа насмешки.

– Просто чтобы прийти в себя, – добавляю я. Уже не так плохо.

Нилл что-то одобрительно бормочет и садится на один из валунов, локти упирая в бедра, а кисти рук оставляя расслабленно болтаться. Затем его, видимо, осеняет, и он поднимает глаза.

– Ты не против, что я здесь? Могу куда-нибудь...

– Нет, без проблем, – перебиваю я, в глубине души радуясь, что он выдернул меня из тьмы моих собственных мыслей. Наверное, поэтому и присаживаюсь на камень возле него. – А разве ты не должен потихоньку выдвигаться домой? Тебе ведь явно придется еще какое-то время ехать?

– Почти час в Гленбей. Поэтому две-три минуты роли не сыграют.

Во время разговора он поворачивается к морю, и я украдкой его разглядываю. Лунный свет ярко освещает его лицо. В этот миг он похож на скульптуру – одинокого стража пред вратами мира, готового противостоять всему, с чем обрушится на него ночь.

Смутившись, отворачиваюсь и спрашиваю себя, с чего вдруг в моей голове всплывают подобные глупости. И стоит только придумать себе оправдание, где главные виновники переутомление и усталость, не забывая упомянуть неоспоримое обаяние Нилла, как с его стороны слышится:

– Ты тоже не отсюда, не так ли?

Голос Нилла. Его тоже включаю в список. Этот голос порождает чувство, будто он гладит мою кожу и что-то мне напоминает...

Ладно, сдаюсь. Позволяю разуму и дальше продолжать думать об абсурдных вещах. Никто же не в курсе.

– Я из Талламора, – сообщаю между тем. – А как ты понял? – Точно не по акценту, над ним я активно трудилась с первого дня и уже разговариваю практически так же, как жители Каслданнса.

– Ты просто кажешься не такой.

– Кажусь не такой? – со смехом повторяю за ним.

Нилл не смеется вместе со мной, но я вижу его улыбку.

– Да, – подтверждает он, – но не спрашивай, почему, просто интуиция.

– Можешь с уверенностью полагаться на свою интуицию. Потому что она не ошиблась.

На это он не отвечает. На его лице словно мелькает странное выражение, но в бледно-серебристой мгле трудно сказать наверняка.

– Замерзла?

В первый момент эта фраза меня удивляет. Нет, не замерзла, с чего он взял? А потом осознаю, что обнимаю себя руками за плечи и внезапно ощущаю холод. Я вновь вспоминаю, о чем размышляла еще в «Брейди»: он по-настоящему чувствует людей.

– Немножко.

Нилл снимает свою куртку, наклоняется в сторону и накидывает ее мне на плечи. От нее хорошо пахнет: кожей и приятным лосьоном после бритья. Меня буквально сразу окружает тепло его тела, исчезает онемение кожи от холода. Его подруга точно была бы недовольна, узнай она, что ее парень посреди ночи сидит у моря с какой-то девушкой, на которой теперь его куртка.

Подруга Нилла определенно переедет с ним в Каслданнс. Я бы на ее месте так и поступила.

– Тебе тут нравится? – интересуется он.

– Да, вполне, и люди здесь хорошие.

– У меня тоже сложилось такое впечатление. Думаю, мне понравится пожить тут какое-то время.

– А как же твоя квартира в Гленбее?

– Я все равно скоро оттуда съезжаю.

– Почему?

– Она слишком маленькая. Я начал присматривать новую, поэтому предложение Дина пришлось очень кстати.

А я очень вовремя прикусываю язык, чтобы не полюбопытствовать, не собирается ли он, как Дин, съезжаться со своей девушкой. Во-первых, это вроде как не мое дело, а во-вторых, ответ и так лежит на поверхности.

Когда он поднимается на ноги, я едва не валюсь с камня.

– Нет, ты сиди спокойно. Можешь вернуть мне куртку, когда встретимся в следующий раз.

– Да нет, мне... – «Не хотелось бы каждый день три недели подряд бороться с соблазном обнюхать эту куртку». От этого комментария я тоже воздерживаюсь. Мы стоим так близко друг к другу, что мне достаточно лишь немного наклонить голову, чтобы прижаться лбом к его плечу. Странная мысль, – мне нужно в постель, – заканчиваю предложение, и моментально задаюсь вопросом, не двусмысленно ли это прозвучало.

На пару секунд все, даже море, словно затаило дыхание, и безумный порыв обвести темную линию его скул кончиками пальцев заставляет меня невольно поднять руку, всего на пару сантиметров. Сияющая луна связывает наши лица... эти крошечные частички света, которые сначала касаются щек Нилла, а потом моего лба, действительно существуют? Расстояние между нами как будто сокращается.

– Который час? – спрашиваю я и в тот же миг жалею об этом.

Нилл реагирует сразу же. Резко выпрямляется, а я только сейчас замечаю, что вытянула спину, а он чуть опустил голову.

И чем мы тут занимаемся?

– Половина третьего. – Нилл бросает быстрый взгляд на дисплей своего смартфона и засовывает его обратно в задний карман джинсов.

– Спасибо. – Стягиваю с плеч куртку и отдаю Ниллу, и парень забирает ее с той самой легкой улыбкой, которая по непонятным причинам мне уже очень нравится. Как будто мы давно знакомы.

– Не за что.

Приходится напомнить себе, что он не свободен. В Гленбее Нилла ждет девушка. И кроме того, я его совсем не знаю.

Он перекидывает куртку через локоть, и мы вместе бредем назад к улице. А дойдя до места, застываем.

– Что ж, до встречи через три недели, – произносит Нилл.

– Да. До встречи через три недели.

Небольшая заминка, в течение которой решается, кто из нас первым отступит и повернется к другому спиной. Нилл делает шаг назад, пока я наполовину оборачиваюсь к переулку. После этого становится проще. Нилл поднимает руку, я машу в ответ, а затем быстро ныряю в свой проулок, пробегаю несколько шагов до входной двери и спустя пару секунд выдыхаю, привалившись к ней спиной с внутренней стороны.

О боже. Во всем этом непременно должны быть замешаны какие-то особые обстоятельства, звезды так сложились, или я не знаю что еще. Конечно, было бы здорово поближе познакомиться с Ниллом. Дружба, как с Дином... о чем-то в этом роде я раньше даже мечтала. Периодически проводить время вместе, спонтанные встречи, общие завтраки... но не так. Не так, как только что на берегу. Так мы с Дином ни разу друг на друга не смотрели, и я совершенно этого не хочу. Я еще не готова и понятия не имею, буду ли вообще когда-нибудь готова. Риск наткнуться на кого-то вроде отца или просто на козла, как Кейден, который бросит меня на произвол судьбы, стоит чему-нибудь случиться...

Мне хватит дружбы. Простой понятной дружбы.

Все и без того довольно сложно.

* * *

Долго лежу в кровати, а мысли постоянно вращаются вокруг Пиппы и Нилла, и вдруг до меня доходит, что мне напомнил голос на пляже. Его тембр пробуждает во мне те же чувства, что и море. Перекатывающиеся волны, шипя, разбиваются о скалы или медленно рассеиваются на песке, отступают, только чтобы вернуться, и так раз за разом.

Сквозь приоткрытое окно я слышу прибой, гораздо тише, чем на берегу, но он различим. Он окутывает меня, успокаивает, вселяя ощущение, что в случае чего успеет подхватить.

Ну, класс. Seriously, класс. Просто потрясающе, что мне в голову приходит еще и это.

Глава 4

Следующим утром я просыпаюсь и первым делом думаю о Пиппе, а потом сразу же о Нилле. О том, что сестренка сегодня днем отправится домой, чтобы забрать школьные принадлежности, и о том, как мы с Ниллом стояли на пляже друг напротив друга. В ушах слышатся рыдания Пиппы, а в носу ощущается аромат кожи и терпкого лосьона после бритья, пока я смотрю на окно, где раздувается и снова опадает занавеска.

Я тяжело переворачиваюсь на бок, чтобы дотянуться до своего смартфона, который за неимением прикроватного столика лежит на полу. Пиппа еще не звонила и не писала, но около восьми заходила на свою страницу в «Фейсбуке». Вздыхнув, опускаюсь обратно, а так как мысли моментально обращаются к Ниллу, неохотно перекачиваюсь на живот и утыкаюсь лицом в подушку.

Черт возьми.

Уже больше года ни один представитель противоположного пола не казался мне красивым, за исключением, наверное, Кьера. Но, в отличие от Лив, я бы не посмела приблизиться к парню с такой откровенно дрянной репутацией, даже если бы искала отношений. И вот сейчас я остро реагирую на мужчину, и именно он должен стать моим боссом. А еще он занят.

Ладно, в запасе еще три недели, чтобы взять себя в руки, и лучше бы мне не тратить время зря. В противном случае я выставлю себя на посмеище. Фергас вчера уже что-то заподозрил.

Еще сильнее вжимаюсь лицом в смятое постельное белье.

Ну, себе-то я могу признаться. Итак, со вчерашнего дня этот мужчина существует. Высокий, невероятно притягательный парень, к тому же внимательный и милый. И я, как дурочка, до безумия желаю, чтобы не было вчерашнего идиотского «Который час?». Чем бы все закончилось?

Поведал ли он об этом своей девушке?

Сердце бешено колотится, и ничего удивительного, что вскоре мне перестает хватать воздуха.

А что рассказывать? Ведь абсолютно ничего не случилось. Кроме того, не исключено, что я просто себе нафантазировала, словно на несколько секунд... Да даже если бы и было что рассказывать, откуда мне знать, что Нилл из тех, кто обращает внимание на подобные моменты? Тут поцелуй, там интрижка на одну ночь... мало ли какие у него принципы в этом смысле? Вчера в него втрескалась половина паба. Насколько надо быть наивной, чтобы предположить, что такой, как Нилл Кеннан, во-первых, не привык к этому, а во-вторых, в зависимости от настроения намеренно не использует свое обаяние? И на пляже у него, видимо, было настроение. А я, сама не своя после разговора с Пиппой, выглядела легкой добычей. Так, стоп.

Еще раз пробегаюсь пальцами по экрану телефона и звоню сестре. Раздается пара гудков, прежде чем включается голосовая почта. Она уже в школе? Или еще дома?

– Пип, перезвони мне, когда прослушаешь сообщение, хорошо?

Скользнув взглядом по часам, кладу мобильник обратно на пол. Половина одиннадцатого. Без особого воодушевления выползаю из постели и плетусь в ванную. Может, стоит связаться с матерью Скарлет... но если Пиппа узнает, что я так поступила, то точно на меня обидится. Я бы в свое время тоже обиделась.

Скидываю футболку и нижнее белье и становлюсь под душ.

Когда-то я сама пыталась встать между родителями, пока моя маленькая сестричка, замирая от страха, старалась слиться с мебелью. Тогда я еще жила дома.

Дом. Как звучит это слово. От него веет теплом и безопасностью. Правда, все не всегда было так плохо. Наверяд ли мне удалось бы вспомнить совершенно беззаботные времена, но в мой фотоальбом вклеены снимки, на которых лучезарно улыбающаяся я сижу у отца на плечах.

Возможно, от этого он не выглядит необычайно счастливым, однако у него в глазах еще не появился тот холодный блеск, а на лице – презрение. Мама считает, что он изменился из-за постоянно нарастающего давления на работе, от которого никуда не мог деться, потому что обязан был содержать семью. Если она права, то мы более чем квиты – он заставил нас кровью заплатить за то, что по нашей вине оказался привязан к ненавистой работе.

С закрытыми глазами стою под струями льющейся мне на голову горячей воды. Хотелось бы перестать об этом думать, но это всегда один и тот же мучительный замкнутый круг. Но как иначе, я ведь понимаю, что для Пиппы еще ничего не закончилось? И для мамы, разумеется, тоже, причем в этот момент я в отчаянии вынуждена следить, чтобы мой гнев на нее не вышел из-под контроля.

Понимание. Вот чего мама всегда требовала от меня по отношению к отцу, который «слишком переживает, слишком много на себе тянет». Папа моей подружки тоже работал, однако, несмотря на это, с Ив не случалось такого, чтобы во время ужина его рука ни с того ни с сего взлетала вверх и с хлестким звуком ударяла маму по лицу.

«Переварено», – мог процедить при этом отец, или: «Жесткое, как конина».

Мы все знали, что крики и слезы только сильнее его разозлят, поэтому раздавался хлопок, а после замолкало все, кроме разве что жужжания какой-нибудь заблудившейся мухи и скрипа трясущейся вилки по керамической тарелке.

На одно пугающее мгновение мне хочется стукнуться лбом о мокрый кафель, чтобы разбить вдребезги эти проклятые воспоминания, но затем я просто резко выключаю воду в душевой кабине.

Какое-то время спустя с тюрбаном из полотенца на голове я пью кофе на кухне. Телефон лежит рядом со мной, от Пиппы до сих пор никаких вестей. Отстраненно замечаю, что сегодня нужно будет сходить за покупками и уже давно стоило бы навести порядок в квартире. Быть может, позже я даже испеку шоколадный пирог. От яблочного, который стоит в холодильнике, уже почти ничего не осталось.

Однако, вместо того чтобы заняться делами, я обхватываю руками чашку и жду, жду неимоверно долго, пока смартфон все-таки не вибрирует и не высвечивает сообщение от Пиппы.

Все нормально, остаюсь у Скарлет,
мама в курсе. Позвони ей. Люблю тебя. Пиппа

Испустив протяжный вздох, отодвигаю от себя телефон. Вот теперь можно идти в магазин. Мне надо двигаться. А когда вернусь домой, сделаю еще одну чашку кофе и позвоню маме.

* * *

Снаружи меня встречает синее небо, и, несмотря на дующий с моря прохладный ветерок, я решаю не подниматься обратно за курткой. Сейчас около половины третьего. Как летит время, когда сидишь на кухне и ждешь, пока сестра подаст восточку. Я неторопливо пересекаю улицу и на пару минут облакачиваюсь бедрами о каменную стену. Море темно-зеленое, ближе к горизонту оно приобретает глубокий синий оттенок. Над головой слышны крики чаек, далеко-далеко эти элегантные авиаторы стремглав пикируют в волны.

Проведя пальцами по поросшей мхом шершавой поверхности стены, наконец отрываюсь от нее и иду вперед, сначала вдоль набережной, а потом сворачиваю направо к центру деревни. Улицы здесь в основном вымощены булыжником, а некоторые переулки настолько узкие, что, проходя по ним, можно касаться руками стоящих напротив зданий.

Жители Каслданнса гордятся своей деревенькой. Первым, что бросилось в глаза, когда Дин год назад привез меня сюда, оказалась расцветка домов. Винно-красный, небесно-голубой, песочно-желтый – даже в дождливые дни Каслданнс излучает безмятежное спокойствие. Окна с белыми решетчатыми переплетами и деревянные двери придают немногочисленным магазинчикам дружелюбный вид, и один только взгляд на них всякий раз повышает мое настроение. Конечно, в Каслданнсе нет многого, что в Талламоре казалось само собой разумеющимся. Нет кинотеатра, бутиков с одеждой и обувью, да даже магазина с электроникой или крупного супермаркета нет.

Зато есть продуктовый магазинчик рядом с пропитанной сигаретным дымом сувенирной лавкой Фергаса, а напротив притулился скромный рыбный магазин, вплотную прижавшись к владению Мими Фитцджеральд, где можно купить все мыслимые предметы повседневного обихода – от лески до табака и ежедневной газеты. Хозяйка в данный момент занята сортировкой журналов и машет мне, когда я прохожу мимо.

– Здравствуй, Сиенна.

Эта седая женщина в годах обожает броские цвета. Сегодня губы Мими накрашены розовой помадой, и ее цвет лишь на самую малость не сочетается с оранжевым платком, который она повязала на шею.

– Здравствуй, – машу в ответ, тяну на себя дверь в продовольственный магазин и под звон колокольчика над входом ныряю внутрь.

Мими всегда рада поболтать, но в большинстве случаев я этого избегаю. Тут любят обсуждать, как поживают сыновья, сестры, дедушки, а я на эту тему рассказала уже максимум, который готова была открыть. Что мои родители вместе с младшей сестрой живут в Талламоре. Что Пиппа в будущем однозначно станет художницей, настолько же успешной, насколько красиво она рисует. И что, кроме них, у меня больше нет близких родственников.

В целом здесь все слишком вежливы, чтобы докапываться из любопытства, но приветливо-ненавязчивое население Каслданнса, похоже, сходится во мнении, что о моем прошлом еще много чего стоит выяснить. И Мими придерживается этой точки зрения с любезной, но твердой настойчивостью.

– Привет, Сиенна. За чем сегодня пришла?

Прогулявшись по тесным проходам, я уже набрала с полок овсяные хлопья, молоко, шоколад, сахар и тостовый хлеб, и теперь Шивон протягивает мне через прилавок яблоки, картофель, яйца и связку морковки. Ей, наверное, еще нет тридцати, ростом она еще ниже меня, с длинными русыми волосами и очень пышными формами. Как-то в «Брейди» она жаловалась мне, что все мужики пялятся исключительно на ее декольте и жирную задницу. Ее слова, не мои. Тогда она слегка перепила, потому что рассердилась на своего парня, который тоже иногда заглядывается на чужие декольте.

Шивон – дочь Орлы, которой принадлежит магазин и, по всей видимости, девушка в дальнейшем возьмет все дела на себя. Я как раз ищу кошелек, когда она нарочито небрежно спрашивает:

– Слушай, а этот Нилл вчера в «Брейди»... с какого числа он начинает работать?

Нахмурившись, поднимаю глаза. Шивон вчера не появлялась в пабе. Впрочем, меня не удивляет, что эта новость уже распространилась по всей округе.

– На неделе перед первым июня.

– Ну и? Какой он? – Она не торопится отсчитывать мне сдачу. – Милый?

– Да. – И поскольку Шивон продолжает испытующе на меня смотреть, все еще сжимая в ладони мою сдачу, добавляю: – Он очень приятный парень.

В итоге она, усмехнувшись, двигает монеты в мою сторону.

– Судя по слухам, он тот еще красавчик. Это правда?

В нерешительности я так и замираю с тканевой сумкой в руках. Ну не создана я для такого рода разговоров.

– Да, он довольно симпатичный.

– Везет тебе, – подмигивает мне Шивон.

Она не всерьез, скорее всего, это шутка, но тем не менее я смущаюсь. Особенно при мысли о прошлой ночи. Больше всего мне хочется сказать Шивон, что я не планирую при первой же возможности набрасываться на Нилла. Я вообще не заинтересована в отношениях ни с кем, тем более с несвободным мужчиной.

Спустя несколько секунд я, как могу, отвечаю на заговорщицкую улыбку Шивон, прощаюсь и сбегаю из магазина.

Перед дверью чуть не сталкиваюсь с Айрин.

– Упс! – вырывается у меня.

– Ой! – одновременно со мной восклицает Айрин. – Сиенна! – добавляет она. – Как у тебя дела?

– Хорошо, а у тебя?

Я буквально заставляю себя стоять на месте, а не через плечо на ходу выкрикивать этот вопрос. И в тот же миг решаю, что время пришло. Сейчас я просто буду стоять и болтать посреди улицы, как абсолютно нормальный человек, а не уносить ноги, как обычно. Дин скоро уедет, и мне надо уже попытаться наладить общение с кем-нибудь. А Айрин на самом деле неплохая девчонка.

– У меня тоже все хорошо. В смысле, если Шивон сейчас не продаст мне пастернак, то все станет уже не так уж замечательно. Потому что я пообещала своим постояльцам приготовить сегодня на ужин вегетарианское рагу.

Айрин откидывает назад свои рыжие волосы. В Каслданнсе она держит «Морские ветры», единственную гостиницу в деревне, а также управляет маяком на Кэйрахе, небольшом острове, расположенном всего в нескольких милях от материка. С недавнего времени там тоже могут останавливаться отдыхающие.

– А без пастернака не получится?

– Нет, получится, конечно. Но тогда оно будет просто вкусным, а не восхитительным, – смеется она. – Хотя я уже заранее уверена, что одному типу, который сейчас у меня живет, еда не понравится, как ни крути. А вот жена у него очень милая, без понятия, как она его терпит. Он ноет и ноет, а она просто стоит рядом и участливо улыбается. Наверное, я обыщу их комнату, когда они куда-нибудь поедут: может, она что-то принимает?

Откровенно говоря, не так уж и сложно присоединиться к смеху Айрин. Без сомнения, я единственная официантка на свете, которой трудно знакомиться с новыми людьми.

Хотя... это не так. Знакомиться с людьми легко. А вот подпустить их к себе по-настоящему близко – это проблема.

– Какие у тебя планы на сегодня? – спрашивает Айрин.

Я медлю, и внезапно повисает неприятная пауза. Со мной часто такое происходит, но Айрин не из тех людей, которые беспокоятся по такому поводу. Я уже не раз это в ней отмечала. Большинство бы, вежливо попрощавшись, спустя пару секунд улизнули в магазин, она же продолжает стоять и с интересом смотреть на меня.

– Ничего особенного, я... хотела немного прибраться. А вечером опять в «Брейди». – О да. Моя жизнь. Увлекательная и захватывающая. Нет.

– Может, выпьем вместе кофе?

– Эмм... когда?

– Прямо сейчас? Мне только нужно быстренько купить продукты для ужина. Ты не против минут пять подождать?

– Ну... нет, не против. – Нервно перевешиваю авоську с правой на левую руку и обратно.

– Ладно, тогда я сейчас вернусь.

Айрин тоже встречают колокольчики, и еще до того, как захлопывается дверь, она исчезает между стеллажами. Ну что ж. Проект «Новые друзья» продвигается вперед семимильными шагами. Вместо того чтобы ощущать неловкость, стоило бы порадоваться. Поскорее бы оставить позади первые шаги. Когда с кем-то знакомишься, как правило, задаешь ему вопросы. А мне не хочется обсуждать, откуда я и почему переехала из Таллмора. Если честно, мне вообще не хочется обсуждать ничего, что касается первых девятнадцати лет моей жизни, кроме разве что сестренки.

Проходит пара минут, и Айрин вновь выбегает на улицу.

– Итак, куда пойдём? К тебе или ко мне? – Ей не удается скрыть ухмылку, как и мне самой. – Ничего, что срочно надо положить в холодильник, я не покупала, поэтому можем спокойно идти к тебе, – продолжает она, – это ближе.

– Отлично, – отвечаю я так, словно каждый день приглашаю гостей в свою маленькую квартиру.

На обратном пути Айрин весело щебечет о своих нынешних постояльцах, причем у нее даже о том брюзге выходит рассказывать так, что к нему начинаешь испытывать легкую симпатию. К моменту, когда мы поравнялись с пабом, перед глазами предстает образ ворчливого пожилого мужчины, а не озлобленного пессимиста, как его явно тоже можно было бы описать. Айрин любит людей. На моей памяти она еще никогда не высказывалась о ком-то с ненавистью или пренебрежением.

– О, как красиво! – восклицает Айрин, переступая порог квартиры. Я улыбаюсь. Чуть ранее она лишь бросила беглый взгляд через приоткрытую дверь в спальню, а теперь проходит в комнату, поглаживает ладонью серое одеяло с кружевами и поворачивается вокруг своей оси. – А у тебя тут очень уютно.

Ее эмоции заразительны. Поэтому я щелкаю выключателем на оплетающей изголовье моей кровати гирлянде, хотя ее красноватые огоньки почти не видны при дневном свете. Но мне нравится, что лампочки на гирлянде сделаны в виде сердечек и то, что это подарок Пиппы на последний день моего рождения, причем врученный лично в руки. Я оплатила сестре дорогу сюда, и мы прекрасно провели время вдвоем: пообедали, болтали и смеялись, в какой-то момент Пиппа даже расплакалась от избытка чувств. А потом мы вместе спали на моей кровати. На следующий день после завтрака она вернулась в Таллмор. Прощаясь со мной, она снова плакала. Я тоже не сдержалась.

До сих пор это был ее единственный визит в Каслданнс.

– Эта комната тебе подходит, – заявляет Айрин.

– Потому что я уютная? – интересуюсь я, на что ее губы расплываются в широкой ухмылке.

– Нет, потому что она похожа на сокровище, спрятанное над «Брейди», и мне почему-то кажется, что ты сама такая же, – невозмутимо отзывается Айрин. У этой девушки определенно талант заставлять подобные фразы звучать абсолютно нормально. Если бы я произнесла нечто в таком духе, смахивало бы на притворство или сарказм.

Айрин идет на кухню, и я следую за ней.

– Маленькая, но симпатичная, – комментирует она.

– Да, так и есть. И то и другое. – Включаю кофеварку и засыпаю в фильтр молотый кофе. – Будешь молоко или сахар? И может, кусок яблочного пирога?

– Яблочный пирог? Откуда он у тебя? Я все буду. – Только что выглянувшая из окна на задний двор Айрин придвигает к себе белый деревянный стул.

Помимо пирога выставляю на стол молоко, сахар, пару тарелок и тянусь к ящику со столовыми приборами, чтобы достать вилки.

– Выглядит вкусно. Сама испекла?

– Да, позавчера. – Я аккуратно отрезаю два кусочка и переносу их на тарелки. После первого укуса Айрин прикрывает глаза.

– Господи, как здорово! Тебе надо не официанткой работать, а открыть здесь кондитерскую и продавать пироги. Ты собираешься остаться в Каслданнсе? Я бы стала постоянной покупательницей!

С улыбкой я прислоняюсь к кухонному шкафчику возле кофемашины, которая в это время кашляет и шипит, как дряхлый паровоз, прогоняя воду через фильтр.

– В данный момент меня отсюда никуда не тянет.

Айрин облизывает вилку.

– Что ты добавляла в тесто? Ваниль?

– Тертые бобы тонка, – отвечаю я.

– Что это вообще такое?

Выудив с полки баночку с бобами тонка, устраиваюсь за столом рядом с Айрин. Кондитерская. Мне нравится, как это звучит, пусть я и отдаю себе отчет, что эта идея из ряда «однажды я открою небольшой книжный магазинчик» или «как бы мне хотелось завести лошадь». Однако на какой-то миг она меня цепляет.

Айрин открывает крышку и принюхивается.

– Пахнет невероятно. Где ты их раздобыла? Точно ведь не в Каслданнсе.

– Заказала. Если хочешь, отсыпь себе.

– Я возьму один, если разрешаешь, только чтобы иногда его нюхать. Брать больше будет пустым расточительством – такими вкусными, как этот яблочный пирог, моим пирогам никогда не стать.

Невозможно не заметить, что Айрин моя выпечка пришлась по вкусу, ведь на тарелке у нее остались одни крошки.

– У меня еще есть сливки. Если захочешь второй кусок?..

– Хочу. Давай. Спасибо. Может, ты как-нибудь испечешь такой пирог для моих гостей.

– Я сегодня еще собиралась приготовить шоколадный. – Пока моя гостя накладывает себе второй кусок, я встаю, разливаю кофе по кружкам и отношу их на стол вместе со взбитыми сливками. Жаль, что свежих у меня не оказалось. С тех пор как начала делить пироги с Дином, я покупаю в баллончиках, и пусть они слишком сладкие, но зато ими удобно отмерять порции.

– Шоколадный? Тогда я сразу и куплю его на вечер!

– Нет, чепуха, – отказываюсь я. – Я с удовольствием угощу тебя просто так.

– Мне безумно приятно, но лучше я заплачу. Если у тебя найдется время и настроение, я бы чаще заказывала пироги, но, если станешь настаивать на том, чтобы каждый раз мне их дарить, просто не смогу просить, – поясняет Айрин, и я захлопываю рот, который уже открыла для очередного возражения. – Ты действительно мне очень помогла бы, это реальная экономия времени... и я уже с нетерпением жду, когда можно будет снимать первую пробу. Кроме того, готовить я более-менее умею, а вот печь – совсем нет.

Теперь Айрин выглядит крайне довольной собой, уплетая остатки пирога.

– Как же классно, что мы сегодня встретились. Как думаешь, у тебя получится приготовить мне пирог до начала твоей смены в пабе?

– Конечно.

– И подумай о цене. Иначе я сама решу, – широко улыбается она поверх чашки с кофе.

Позже, когда мы уже попрощались у входа в квартиру и я смотрю, как Айрин спускается по ступенькам, она задерживается на нижней площадке.

– Было бы правда замечательно, если бы ты осталась в Каслданнсе, – произносит она. – Между прочим, наша деревня растет по большей части не за счет рождаемости, а за счет людей, которые уже не могут оторваться от этого места. – Айрин снова машет мне рукой, и вскоре доносится звук закрывающейся двери.

Я медленно захлопываю свою дверь. Прямо сейчас мне очень легко представить себя оставшейся тут навсегда.

На самом деле изначально после похода в магазин я планировала позвонить маме, но передумала. Сначала шоколадный пирог для Айрин. А пока он будет остывать, поговорю с родительницей.

* * *

– Сиенна, как я рада, что ты позвонила.

Свежеиспеченная сдоба источает потрясающий шоколадный аромат, но ощущение комфорта, которое обычно при этом возникает, почему-то не появилось. Прижав колени к груди, я забралась на один из стульев на кухне и туда-сюда гоняю пальцем крошки, просыпавшиеся на стол, когда я вынимала пирог. В первых же словах матери я различаю слабость, боль, радость, тревогу, усталость, страх и угрызения совести. Половину из этого я, вероятно, просто себе надумала.

– Как ты там? – спрашивает она.

– Хорошо, а ты? – отзываюсь я. – Пиппа рассказала, что ты в больнице.

– Да, но всего на пару дней. К счастью, все не так плохо, как казалось вначале.

Ну, естественно, нет. У нас никогда не бывает плохо.

– Что произошло?

– Я уронила с плиты сковороду, и на меня по глупости попало несколько капель горячего масла.

– Ты уронила с плиты сковороду? – недоверчиво повторяю я. – А Пиппа говорила кое-что другое.

– Пиппы там вообще не было.

– Она сказала, что он тебя толкнул.

По ту сторону трубки слышно шуршание, а когда мама продолжает разговор, в ее голосе мелькают знакомые напряженные нотки, которые всегда проявляются, если она защищает отца.

– Он меня не толкал, Сиенна, он... просто не очень осторожно прошел мимо.

Неосторожно прошел мимо.

Мне требуется все самообладание, чтобы удержаться от саркастичного комментария. После стольких лет я до сих пор опасаясь, что мама и сама верит в то, в чем уверяет окружающих.

– Правда, ничего не случилось, – не успокаивается она. – Он уже меня навещал, ему очень жаль. Твой папа и сам перепугался.

Видимо, мама будет твердить это, даже если он разобьет ей голову этой сковородкой. «Нет, честно, он всего лишь хотел убить муху. Я просто случайно попала под руку. Он ужасно испугался».

Делаю глубокий вдох и прилагаю массу усилий, чтобы выдохнуть воздух, а не слова.

– Расскажи о себе, Сиенна. Чем занимаешься? Все еще работаешь в пабе? У тебя много дел?

Ее вопросы причиняют боль, потому что демонстрируют, насколько велика пропасть между нами, как редко мы общаемся, как мало стали знать друг о друге. Во время телефонных разговоров мы, как правило, стремительно кружимся по спирали из упреков и оправданий, нормальной беседе места не остается. И что мне ей сказать? Что я понятия не имею, как в дальнейшем повернется моя жизнь? Что мне все еще больно, что никуда не делась пустота, которую отныне не вытеснишь ничем и никогда? Что порой я просыпаюсь утром и обнаруживаю, что плакала во сне?

– Я до сих пор работаю в пабе «Брейди», да, и у меня все в порядке. – Пауза. – Мам, этот... инцидент, он серьезнее, чем раньше... Пиппа больше не должна переживать подобное.

– Я же говорила, Сиенна, Пиппа при этом не присутствовала. Она вошла, когда сковородка свалилась, поэтому могла увидеть только... – На этом месте мама осекается, сообразив, как прозвучала ее реплика. – Твой папа уже помогал мне, когда подошла Пиппа. И он велел ей вызвать врача.

– С такой же вероятностью это могла оказаться и Пиппа.

– Ваш отец никогда не причинит вреда Пиппе. Да, иногда он нетерпелив, а с тех пор как ты ушла, Пиппа, очевидно, решила в такие минуты постоянно вставать у него на пути. Нельзя же упрекать его в том, что он иногда сердится.

«Она так поступает, чтобы защитить тебя, – думаю я. – Хотя это ты должна защищать Пиппу. Раз уж со мной ты с этим не справилась...»

Как часто я старалась привлечь внимание к себе, чтобы он отстал от мамы? Как часто цеплялась за его рубашку, когда он нависал над ней и раз за разом ставил восклицательные знаки в своей ругани с помощью кулаков?

Поначалу он просто отодвигал меня в сторону.

– Прекрати все время вмешиваться, Сиенна, – говорила мама после этого, со слезами на глазах прижимая ко рту мокрое полотенце. – Просто уходи. Скоро он успокоится. Он быстрее остывает, если ты не пытаешься его остановить.

Но как я могла просто уйти? Мне нужно было знать, что происходит. Я не хотела никуда идти и могла лишь надеяться, что он случайно ее не убьет. Или не случайно.

Однако все мои попытки оказывались бесполезными и в итоге меня упрекали, что таким образом я продлеваю страдания матери. Пока в четырнадцать или пятнадцать лет я не доросла до того, что смогла по-настоящему отвлечь отца от нее.

С тех пор стало только хуже.

После того как он впервые меня ударил, я еще надеялась, что вот сейчас наконец-то мама подхватит нас с Пиппой и мы исчезнем из его жизни. Но она просто разрыдалась сильнее, прижала холодное полотенце к моему рту и стала уговаривать меня держаться от него подальше.

– Сиенна? Ты еще здесь?

– Да, – бормочу я и прочищаю горло. – Ты обязана... слышишь, ты обязана увезти Пиппу. И сама бежать оттуда.

От ее смеха я впиваюсь ногтями в ладони. Он настолько искусственный, уродливая ложь... Я выпрямляюсь, ноги соскальзывают с края стула на пол.

– Да прекрати ты уже убеждать саму себя, что все нормально. Во всем этом дерьме нет ничего нормального!

– Сиенна. Успокойся. Пиппа вообще никоим образом не касается наших проблем. В любом браке периодически случаются ссоры...

– Но это же не простые ссоры!

– ...Совсем без конфликтов не бывает. Важно то, что люди их решают... – мама игнорирует мое презрительное фырканье, – и обсуждают.

– Он тебя бьет!

– Редко.

– Он бьет Пиппу!

– Нет, никогда. Seriously, Сиенна, спроси Пиппу сама, он еще ни разу пальцем ее не тронул.

Возможно, это и правда, до сих пор он наверняка только отмахивался от моей младшей сестры. Но, если все продолжится в том же духе, настанет день, когда Пиппа станет решительнее. И что произойдет тогда, мне прекрасно известно.

– Ах, добрый день! – Тембр маминого голоса меняется с настойчивого на беззаботный. – Сиенна, прости, я кладу трубку, ко мне в палату зашла доктор. Рада была с тобой поговорить. Позвони потом еще разок, ладно? – Напоследок она чмокает телефон и завершает вызов.

Полностью опустошенная, я кладу смартфон на стол рядом с шоколадным пирогом, закрываю глаза и на несколько секунд упираюсь лбом в прохладную столешницу.

Чертovo проклятое дерьмо!

Глава 5

Айрин верна своему слову и действительно заказывает у меня еще два пирога, торт «Клубничный дайкири» и лимонный тарт. Тарт она приходит забрать лично и остается на чашку кофе. С тех пор мы время от времени переписываемся.

Маму выписали из больницы, и, несмотря на все мои опасения, на следующий же день Пиппа вернулась домой, а вместе с ней – мои ночные страхи, когда после «Брейди» я проверяю входящие звонки.

На протяжении последних недель Дин по понедельникам освобождает от хлама бар в Килкенни. А воскресными ночами после ухода последнего посетителя и перед отъездом к Аланне загружает в машину картонные коробки.

– Почему у меня так много вещей? Откуда все это взялось?

Сейчас вечер вторника, мы с ним стоим за стойкой паба, и Дин разливает пиво. Только что он мне рассказывал, что после вчерашней разгрузки в жилище у Аланны стало довольно тесно.

Убрав пакет апельсинового сока обратно в холодильник, я втискиваю «Гиннесс» и эль между маленькими бутылочками с минеральной водой и бокалами, которые уже стоят на подносе.

– Ты о своей коллекции по «Звездным войнам»?

– А, это, – отмахивается Дин. – Я недавно собрал целую коробку одних только банных принадлежностей. Коробку! А раньше мне казалось, что у меня есть только зубная щетка и гель для душа.

– Полотенца ты тоже туда сложил?

– Нет.

– А чем тогда ты набил эту коробку? – кричу ему, обходя стойку.

– Вообще без понятия. Фигней какой-то.

С ухмылкой тыкаю Фергаса в бок, чтобы он чуть подвинулся. Готова поспорить, почти все место заняли бесчисленные шампуни, кондиционеры, гели для волос и средства по уходу за бородой. Однажды я стала свидетелем того, сколько усилий Дин прикладывает, чтобы идеально подровнять растительность на лице. Простой факт, что у него три разные щетки для этих целей, и он отличает помаду для бороды от бальзама и крема для бороды, говорит сам за себя. Только зубная щетка и гель для душа – ну да, конечно.

Пока я кружу с подносом по пабу, в голове снова всплывает, что всего через три дня «Брейди» начнет управлять Нилл. Недельку ребята поработают здесь вместе, а потом Дин смонтируется в Килкенни. Мне вдруг перехотелось улыбаться. Очень странно будет больше не жить с ним по соседству. Иногда Дин стучал по стене, разделяющей наши квартиры, спрашивая, нет ли у меня желания чего-нибудь выпить. С Ниллом точно не получится такой непринужденности. Уже хотя бы потому...

Всякий раз, когда я думаю об этом парне, непроизвольно вспоминаю, как мы стояли друг напротив друга на берегу. И тогда легкое покалывание в животе сообщает мне, что этот момент никак меня не отпускает.

Я машинально расставляю напитки и собираю пустую посуду. Часть меня все еще переживает при мысли о скорой встрече с Ниллом. А вдруг он приедет в Каслданнс один? Очень многие девушки, вне сомнения, пришли бы от этого в восторг, но имеет ли это какое-то значение для меня?

На пляже Нилл так на меня смотрел, как будто думал о... Ну, где-то между двумя ударами сердца у меня даже появилось ощущение, что вот сейчас он склонится еще ниже... а потом я ляпнула: «Который час?»

– Сиенна?

Я вздрагиваю.

– Извини, я тебя напугал? – Тео обеспокоенно вглядывается мне в лицо, и только тогда я соображаю, что уже пару секунд стою возле них с Рори, зажав в руке пустую кружку из-под «Гиннеса».

– Что-то не так? – Кустистые брови Тео взлетают вверх сантиметра на два.

– Нет, все в порядке, просто кое-что пришло в голову. – Стараюсь выдавить вежливо-расслабленную улыбку. – Хотите еще чего-нибудь?

– Который час?

Я на мгновение зажимаюсь и изо всех сил гоню прочь непрощенные мысли о ночном море, песке и Нилле.

– Одиннадцать.

– Тогда выпьем еще по одной, что скажешь, Рори?

Тот медленно кивает и бормочет что-то одобрителное.

– Скоро к вам вернусь.

У бара я передаю Дину, который в этот момент общается с Фергасом, листок с заказами, а сама готовлю безалкогольные напитки. Звучит имя моего будущего босса, и я прислушиваюсь.

– У него собственная студия тату в Гленбее, – говорит Дин.

– И он собирается просто закрыть ее на неопределенный срок? – любопытствует Фергас.

– Ну, она принадлежит ему. Так что да.

– Классно, когда приятель так тебя выручает.

– Да. – Дин нагружает мой поднос пивом и другим алкоголем. – Повезло, что сейчас ему все это тоже оказалось удобно.

– Почему?

Мне тоже интересно, поэтому забираю поднос со скоростью улитки. Хочу успеть услышать ответ Дина.

– Давай об этом он тебе сам расскажет.

Очередная пища для размышлений. С чего вдруг Ниллу удобно на какое-то время исчезнуть из Гленбея? Там что-то случилось и ему требуется залечь на дно? Не похож он на человека, которому нужно скрываться. Скажи Дин нечто подобное о задиристом Колме – ладно, но Нилл оказался мне парнем, которого окружает атмосфера стабильности. И уверена, у него множество друзей, которые будут по нему скучать.

– Даю пенни за твои мысли.

Черт. Тео опять меня подловил. Не был бы Рори вечно таким молчаливым, возможно, Тео и вовсе не заметил бы, что я сегодня витаю в облаках.

– Лучше сэкономь деньги, там нет ничего интересного, – подмигиваю я и, выставя на их столик два «Гиннеса», спешу дальше, пока Тео не воспользовался возможностью выпытать подробности. Существуют ли более любопытные люди, чем старики на пенсии? Наверное, Мими Фитцджеральд.

К сожалению, когда я опять приближаюсь к бару, Нилла обсуждать уже закончили. Вместо этого Дин готовит напитки, а Фергас болтает с Нелли, у которой, очевидно, только что официально закончился рабочий день.

Фергасу нравится Нелли, и она в курсе. Жаль, но похоже, что она абсолютно не проявляет к нему никакого интереса, что очень меня расстраивает. Если не принимать во внимание разницу в росте, они бы отлично друг другу подошли, однако наша повариха сторонница мнения, что одного мужчины в ее жизни достаточно. А с тех пор как упомянутый мужчина живет с другой женщиной в Трали, Нелли больше не поднимает эту тему.

– Четыре «Гиннеса», два лагера, один «Мохито», два виски «Килбегган» – один из них восьмилетний, – перечислив, я кладу листок перед Дином возле мойки и тянусь к холодильнику, чтобы достать диетическую колу и минералку.

– Ах, Сиенна, – вздыхает Дин. И я едва не роняю колу, когда ни с того ни с сего он меня обнимает. – Ты тоже будешь по мне скучать?

– В каком смысле тоже, кто это там еще по тебе скучает?

Руки Дина смыкаются у меня на животе. Судя по всему, этот переезд значит для него гораздо больше, чем он раньше показывал.

– Эй, Сиенна, ты что, тоже поедешь в Килкенни? – выкрикивает кто-то.

– Дин, а твоя подружка в курсе? – присоединяется другой.

Дин отпускает меня несколько секунд спустя и еще несколько секунд мне требуется, чтобы отойти от шока. Хотя я и доверяю своему другу, но все-таки не люблю неожиданные объятия, а больше всего – со спины. Просто... на меня давит невозможность в любой момент вырваться. И здесь даже не нужен психолог, чтобы объяснить, откуда во мне эта неприязнь.

Дин бросает на меня смущенный взгляд и начинает обрабатывать заказы, а я наконец отвинчиваю крышечку на бутылке с газировкой.

Я буду скучать по Дину.

* * *

Друг Дина увеличит выручку в пабе
«Брейди» втрое.

Вечер пятницы. Первый вечер пятницы с новым шефом, и уведомление в WhatsApp от Айрин застаёт меня, когда я готовлюсь спуститься вниз.

Может быть, я тоже сегодня сяду у барной
стойки.

Ладонь уже лежит на дверной ручке, но я задерживаюсь, чтобы ей ответить.

И когда же он к тебе приехал?

Полчаса назад. Закинул сумки в комнату
и тут же умчался в «Брейди».

Прочитав сообщение Айрин, я медлю всего мгновение. А потом, сдавшись, топаю в ванную и смотрюсь в зеркало. Вообще-то я поклялась себе никогда не делать ничего подобного, но... оставаться в таком виде нельзя. Во-первых, одежда. В следующий миг распахиваю дверцы шкафа в спальне. Гардероб у меня скудный, знаю, но все-таки. У Нилла есть девушка, а у меня – нулевая заинтересованность в отношениях, но все же.

Мешковатая черная футболка, достающая мне почти до середины бедра летит на кровать. С одной из полок извлекаются серый обтягивающий топ на бретельках и белая полупрозрачная кофточка с широким вырезом. Узкие черные джинсы я менять не буду. В довершение ко всему особенно долго вожусь перед зеркалом с волосами. Немного поразмыслив, решаю накрасить губы блеском, нанести на ресницы тушь и подвести глаза карандашом. Не забыть бы потом про них и не потерять глаза. Быстро стираю блеск. Обычно я не крашусь. Если заявиться в таком виде в паб, это привлечет внимание Дина, и он наверняка не удержится от какого-нибудь дурацкого комментария.

За то время, пока я со всем этим разбиралась, мне снова написала Айрин.

Не дай бог ты ему это покажешь —
я сделала ее тайком.

Она прикрепила фотографию. На ней Нилл стоит в коридоре гостиницы и разговаривает с кем-то по телефону. На нем темно-серая футболка и черные джинсы, смартфон он прижимает к уху плечом, потому что одновременно пытается зашнуровать кед.

В моих воспоминаниях он очень красив и... это полностью совпадает с действительностью. Хотела бы я знать, кому он так улыбается в трубку.

Увеличив изображение, я изучаю татуировку на правой руке Нилла: между корней дерева с опавшей листвой, ветви которого исчезают под рукавом футболки, вплетено что-то наподобие компаса... и вдруг получаю новое сообщение.

Ты заболела?

Это от Дина. Бросаю озадаченный взгляд на часы — уже четверть восьмого! Блин!

Быстренько отправляю Айрин, по сути, пустой смайлик-сердечко — ничего лучше в голову в такой спешке не приходит — и несусь вниз по лестнице.

Дин ухмыляется, когда я появляюсь из-за занавески.

— Что с тобой? Забыла о времени?

Кажется, это первый раз, когда я опоздала. Просто супер, что такое случилось именно сегодня.

Нилл уже здесь, наливает «Гиннесс» в два бокала. Пару минут назад я видела его на фото и, несмотря на это, с усилием сглатываю. Собственно говоря, за прошедшие недели я планировала слегка прийти в себя по отношению к этому парню, однако план, очевидно, провалился.

— Привет! — Он широко улыбается и салютует мне наполненным бокалом.

— Привет, — произношу я и отвечаю на его улыбку.

Позади снова отодвигается занавеска, и двое парней едва не сбивают меня с ног. Я резво отскакиваю в сторону и слышу смех Дина. Шикарно. Просто шикарно. Я не только опоздала, а еще и торчу на дороге, будто в первый раз.

— С тобой все хорошо, Сиенна? Или мне провести тест на наркотики?

— Очень смешно. — Сгорая от стыда, я вытаскиваю из-под барной стойки поясной кошелек и черный фартук. Надо было еще и пудрой воспользоваться. Теперь остается только надеяться, что в полутьме от мерцающих на столиках свечей и оранжевом свете висящих над ними латунных светильников не будет так отчетливо видно, насколько у меня красные щеки.

До прихода сообщения от Айрин я вообще не нервничала. И меня по-настоящему шокирует, насколько быстро изменилось мое настроение.

Примерно полтора часа Дин ограничивается тем, что отвечает на периодически возникающие у Нилла вопросы, и какое-то время даже создается впечатление, словно он передаст «Брейди» другу прямо сейчас. Впрочем, около пятнадцати минут десятого паб заполняется народом, и Дин сползает с барного табурета, на котором сидел с бокалом виски в руке, чтобы помочь Ниллу.

А я мечтаю, чтобы на втором табурете оказался еще кто-то, кто помог бы мне. Даже присутствие Нилла отодвигается на задний план, пока я направляю всю энергию на то, чтобы не заставлять людей чересчур долго ожидать свои заказы. И только после одиннадцати мне удастся улизнуть в туалет, поскольку Тео заявляет, что я выгляжу как енот. Очень симпатичный, но все-таки енот.

Несколько минут уходит на то, чтобы протиснуться мимо очереди к зеркалу в дамской комнате. Оттерев с кожи размазавшиеся тушь и карандаш для глаз, вновь вклиниваюсь в толпу, чтобы не пропадать слишком долго.

Дин и Нилл работают за стойкой как хорошо слаженная команда.

– Сиенна, это для Оуэна и ребят, с которыми он пришел; они вроде бы сидят за восьмым столиком. – Дин загружает на поднос несколько бокалов «Гиннеса» и столько же стаканов с виски. – А это для Эбигейл, понятия не имею, где сидит она. Можешь постараться чаще крутиться возле нее? Она постоянно подходит к бару!

Воздерживаюсь от замечания, что я могла бы хоть палатку разбить рядом со столиком Эбигейл – она и ее подружки все равно будут заказывать у стойки. Дин, кажется, уже на взводе. До сих пор подобное я наблюдала только во время моего пока еще единственного празднования кануна Нового года в «Брейди».

Прежде чем снова ринуться в толпу, бросаю быстрый взгляд на Нилла, который настолько сконцентрирован на своем занятии, что этого не замечает. В данный момент он протягивает напиток какой-то светловолосой девушке в майке с отчаянным декольте. Она так наклонилась вперед, что возникает ощущение, будто ее голая грудь вот-вот вывалится на стойку. Когда Нилл отвечает на ее улыбку, я неосознанно сочувствую его подружке. Естественно, это часть его работы – выглядеть дружелюбно, чуть-чуть флиртовать, Дин тоже так себя ведет, но тем не менее. Я бы от такого свихнулась.

Пока лавирую между локтей и прочих частей тела, в голове вспыхивает мысль, что я так и не полюбопытствовала у Айрин, один ли сегодня приехал Нилл. Видимо, да, и по всей вероятности, на фотке, которую сняла Айрин, он как раз звонил своей девушке. В то, что в первый рабочий день Нилла его подружка не пришла бы в паб, мне слабо верится.

Хотя пару минут спустя мне становится ясно, что на самом деле я не знаю, здесь ли девушка Нилла. Так или иначе, а я знакома не со всеми посетителями, может, он и вовсе встречается с той полуголой блондинкой.

Когда через десять минут я возвращаюсь к бару, потенциальная подружка Нилла все так же сидит там, но уже не наклоняется вперед, из-за чего создается впечатление, что она почти одета. Нилл же стоит перед группой мужчин, которые что-то ему рассказывают, пока сам он продолжает разливать по стаканам содержимое разных бутылок. Дин обслуживает посетителей на ближайшей ко мне половине стойки, поэтому передаю бумажку с заказами ему.

Я все еще раздумываю над теорией о том, что Нилл и блондинка за стойкой могут встречаться, как внезапно она оборачивается ко мне, встречается со мной глазами, окидывает взглядом и улыбается. «Вот это парень, – говорит мне ее улыбка. – Посмотрим, чем закончится сегодняшний вечер».

Она поднимает бокал к губам и вновь обращает все свое внимание на Нилла, который как раз повернулся к рычагу для розлива пива, расположенному прямо перед ней.

– Прошу прощения, вы здесь работаете? – Мимо протискивается Дин и смотрит на меня, многозначительно изогнув брови. – Эй, да что с тобой? Народ уже разорался!

– Извини.

Поспешно хватаю поднос, который уже заполнил Дин, и в следующую секунду, когда я просто делаю шаг назад, эта проклятая штука выскальзывает у меня из рук. На целое мгновение все словно зависает в воздухе, а затем почти двадцать доверху наполненных стаканов с оглушительным звоном разбиваются о пол, и за баром начинает расплзаться лужа из пива и виски.

– Черт! Твою мать, Сиенна!

Дин дергается, пытаясь предотвратить катастрофу, но безуспешно. В результате его джинсы теперь такие же мокрые, как и мои. Он ошарашенно смотрит на огромный беспорядок у нас под ногами. В море, посреди которого мы стоим, плавают осколки и кубики льда,

а помещение пропитывается резким запахом пива. Кто-то в ужасе издает стон – скорее всего я, – после чего слышатся улюлюканье и аплодисменты идиотов, которым непременно хочется показать себя в таких ситуациях. Черт. Пару раз я уже разбивала стакан или даже два, но фиаско такого масштаба раньше обходили меня стороной.

– Господи ты боже мой! – Из кухни высовывается голова Нелли, наверное, чтобы выяснить, что за жидкость просачивается под дверь в ее уже и без того грязную кухню. – Что тут стряслось?

Дин открывает рот, а я делаю глубокий вдох в ожидании того, как он станет на меня орать. И вдруг между нами вырастает Нилл.

– Где листки?

– Что? – в замешательстве смотрю на него я.

– Листки с заказами, – улыбается он. Первая и единственная сейчас улыбка среди ошеломленных лиц и искаженных в крике гримас. – Для каких они столиков? – Он оглядывается на дверь кухни. – Нелли, тут есть что-нибудь типа швабры? Не могла бы ты?..

В горле застревает тугой комок, пока я снимаю с металлической иглы, на которую мы надеваем выполненные заказы, последние четыре бумажки и отдаю их Ниллу. Не говоря больше ни слова, он берет с полки за нашими спинами бутылки и стаканы, а через несколько секунд я делаю то же самое. Краем глаза отмечаю, что Дин тоже подключается, и мы втроем шлепаем по гигантской луже. Чуть погодя у нас между ног Нелли начинает вытирать пол, для начала смахивая в сторону битое стекло.

Когда я с подносом в руках обхожу барную стойку, медленно, чтобы не поскользнуться, страх все еще прячется глубоко внутри, но шоковое оцепенение уже отпустило. Конечно, вскоре меня ждет большая уборка, однако опасность, что Дин оторвет мне голову, миновала.

Менее провального дебюта, чем сегодняшний, у меня определенно быть не могло. Теперь Нилл точно считает меня ненадежной, непунктуальной, неуклюжей и полной идиоткой. Одна надежда на то, что он отреагирует так же снисходительно, как Дин в мои первые дни здесь.

Господи. Ну почему именно сегодня? Прикусив нижнюю губу, я просто гипераккуратно пробираюсь сквозь битком набитый зал.

Да уж, Дин прав.

Черт. Твою мать.

* * *

К счастью, остаток вечера обходится без неприятностей. И хотя официально мы закрываемся в половине второго ночи, проходит минимум полчаса, прежде чем последний довольный посетитель нетвердой походкой покидает паб. Когда я под конец оглядываюсь вокруг, чтобы оценить масштаб бедствия, не могу удержаться от глубокого вздоха. За последние два часа липкую мешанину разнесли по всему помещению, а грязные влажные пятна обнаруживаются даже в самых отдаленных уголках. Сейчас, когда Дин выключил музыку и паб опустел, можно расслышать чавкающие звуки, которые мы издаем при каждом шаге.

После катастрофы Дин заговаривал со мной только при необходимости, но как только подсчитываю доход за день и иду мимо него в подсобку, он слабо улыбается.

– Не бери в голову. Со всеми бывает.

К такому выводу я и сама уже пришла. Бывает, да. Но было бы здорово, если бы это произошло не в день с самым огромным наплывом клиентов со времен открытия паба и не на глазах у моего нового босса. Но да – бывает.

Взяв из кладовки ведро, набираю в него воды на кухне. Нелли тут убралась перед уходом, и следы, которые я оставила только что, тоже потом надо будет отмыть.

Мокрые джинсы до сих пор липнут к ногам. Не могу дожидаться, когда наконец сниму пропитанные алкоголем шмотки, но в ближайшие часы мне еще предстоит мытье полов. Быстро прикидываю, не сбегать ли наверх, чтобы переодеться, но боюсь, если я окажусь в зоне досягаемости кровати, то уже не смогу гарантировать возвращение в паб.

Дин надевает куртку, когда я выхожу из кухни с ведром.

– Не обязательно, чтобы было суперчисто, – произносит он. – В понедельник все равно придет уборщица.

– Хорошо. – Я начинаю переворачивать стулья и ставить их на столы ножками вверх.

– Тебе помочь?

– Нет, расслабься. Я все сделаю.

Куда, кстати, запропастился Нилл? Ушел, не попрощавшись? И пусть я не думаю, что стоит переживать насчет увольнения, в мозг закрадывается мысль, что с людьми, с которыми не собираешься часто пересекаться, не обязательно быть вежливым.

– Ладно, тогда я пошел. Хочу упаковать еще одну-две коробки.

К тому же Дин ненавидит мыть полы, это я точно знаю.

– Без проблем. Я тут надолго не задержусь. – Только до утра, но какая разница. А потом просплю до того момента, пока завтра – или точнее сегодня вечером – не придется опять идти на работу. – Прости.

Дин застывает, полностью одетый, усталый и немного пристыженный, и у меня вырывается улыбка.

– Вали уже. В конце концов, это я виновата. Ну, и не то чтобы мне каждую ночь нужно было драить весь этот бардак.

– Просто чуть протри, и все. – Он шагает к занавеске. – Я запру, ладно?

– Да, порядок.

Через секунду тихонько щелкает замок. Продолжая переворачивать стулья, я размышляю, отодвигать ли скамейки, но решаю, что нет. Эти штуки нереально тяжелые, хватит и того, что я промою там, куда дотянусь под ними. Зеваю, тру руками глаза и поднимаю последний стул. Ну, поехали.

Начинаю с дальнего конца, от сцены, и, когда первый раз провожу шваброй по полу, вновь слышится поворот ключа. А в следующий миг я в легкой растерянности таращусь на Нилла, который с ведром и шваброй в руках отводит в сторону занавеску.

– А ты что здесь делаешь?

Тупой вопрос и не самый вежливый способ поприветствовать человека, который, очевидно, хочет мне помочь, но я слишком удивлена и прежде всего слишком вымотана, чтобы придумать что-то поинтересней.

– А на что похоже? – Нилл облокачивает швабру на барную стойку и скрывается с ведром на кухне, где тут же раздается шум воды. – Где моеющее средство? – кричит он оттуда. – Или ты брала жидкость для мытья посуды?

– Нет, я... бутылка стоит рядом с дверью в подсобку! – отвечаю ему.

Я продолжаю оторопело торчать посреди зала, когда Нилл с полным ведром выходит из кухни. Он бросает взгляд на мокрую полосу перед сценой, а потом берет швабру и направляется в противоположный конец помещения.

– Это очень мило с твоей стороны, – открываю я рот, – но...

– Я знаю, – перебивает меня Нилл, не давая закончить предложение. – Все нормально.

Какое-то время я еще разглядываю этого потрясающего парня, чьи мышцы перекачиваются под татуировками на руках, пока он размахивает дурацкой шваброй, а затем крепче сжимаю свою собственную и сосредотачиваюсь на первоочередной задаче.

* * *

Время уже перевалило за четыре утра, когда мы все-таки заканчиваем. Чистый пол кое-где блестит от влаги, и Нилл убирает бутылку виски, из которой мы между делом выпили примерно стакан.

Без него я бы явно не освободилась и в половине шестого. Я дико измотана и настолько разбита, что еле держусь на ногах и изо всех сил стараюсь случайно не опрокинуть полное ведро по пути в туалет.

Вместе мы расставляем стулья, и я прячу ведро со шваброй в кладовую.

– А эти ты где взял? – спрашиваю, указывая на красное ведро, куда Нилл только что воткнул вторую швабру.

– У Дина.

– Тогда тоже засунем в подсобку. Потом как-нибудь отнесу их обратно.

Вернувшись, вижу, что Нилл, скрестив руки на груди, облокотился на стойку. Из-за того что он ждет именно меня, мое сердце странным образом, и невзирая на усталость, начинает биться быстрее. Даже разумный довод, что в данный момент ему ничего другого не остается, ситуацию не меняет.

– Все? – Он отталкивается от бара, подходит очень близко, останавливается и смотрит на меня.

Да уж, лучше бы он этого не делал. Ему не стоило бы стоять почти вплотную ко мне, но мне ведь тоже не стоило бы внезапно желать, чтобы он меня обнял.

«Подружка, – мелькает вдруг в подсознании безжалостная мысль. – Не забывай про его подружку».

Я невольно отступаю на шаг.

– Полагаю, мы справились, да.

Нилл машет рукой в сторону выхода, я разворачиваюсь и иду впереди него.

Открывая дверь, вспоминаю, что джинсы у меня до сих пор воняют пивом, хоть уже и высохли на теле. Мы вдвоем выходим на улицу.

– Я бы предложил проводить тебя до дома, – говорит Нилл, – но тебе тут недалеко.

Мне не удастся скрыть улыбку.

– Думаю, с этим я справлюсь и без твоей помощи.

– Уверена?

Сбитая с толку, я сую руки в карманы брюк. Кажется, мой мозг уже лег спать, потому что сейчас в нем никакого готового ответа не возникает.

– Ну да, если на меня никто не нападет...

На лице Нилла расплывается легкая ухмылка, и он точно так же, как и я, засовывает руки в карманы джинсов.

Не проходит и тридцати секунд, как мы оказываемся в переулке перед моей дверью.

– Тебе теперь к Айрин, да? – спрашиваю я.

– Да.

– Это тоже не особенно далеко.

– Нет.

– Но если ты хочешь... ну... если считаешь, что уже не осилишь дорогу до гостиницы... –

На самом деле я так чертовски устала, что даже стоять трудно, и тем не менее делаю этот шаг, на который, как мне представлялось раньше, не смогу решиться так скоро. – Или если боишься, что на тебя нападут...

В глазах у Нилла вспыхивают искорки.

– А ведь это неплохая идея, – задумчиво тянет он. – Разгуливать одному по улицам ведь очень небезопасно.

– Да, – подтверждаю я, – в смысле, здесь, в Каслданнсе, может, и нет, но...

– Но?

– Но, если бы ты хотел?..

– Я хотел бы.

Напряженно ищу у него на лице какой-нибудь знак, выдающий его мысли, однако я еще недостаточно хорошо с ним знакома, чтобы распознать по выражению лица что-то, помимо неприкрытого интереса. О боже, я же только что пригласила Нилла Кеннана, моего будущего шефа, после его первого рабочего дня в «Брейди» переночевать у меня. Причем слово переночевать в контекст не совсем вписывается.

Почему же мне просто не сделать еще один шаг и не открыть в конце концов дверь? Откровенно говоря, я мечтала именно об этом с того самого мгновения, как мы стояли напротив друг друга на пляже, и все так же об этом мечтаю, но...

– А что насчет... у тебя... твоей девушки?

Нилл спокойно качает головой.

Нет девушки? У него нет подружки?

– У тебя нет...

Я умолкаю, потому что во взгляде Нилла появляется нечто, заставляющее меня безоговорочно ему поверить. Девушки нет. Хорошо. Ночь с Ниллом. Тоже хорошо. Или? Или нет? Нет, черт возьми, это хорошо!

Он следует за мной, пока поднимаюсь по скрипучим ступенькам, и, отпирая дверь в квартиру, я спиной ощущаю исходящее от него тепло. В моем миниатюрном коридоре он выглядит еще выше.

– Кухня, ванная, спальня, – зачем-то поясняя, кивая при этом на соответствующие комнаты. – Дать тебе полотенце?

Нилл качает головой.

– Еще что-нибудь?

Мы стоим рядом в этом моем маленьком коридорчике, настолько крошечном, что держаться на расстоянии друг от друга практически невозможно. То есть, вероятно, возможно, но...

Нилл поднимает руку и нежно проводит ею по моей шее к затылку, и в этот миг я понимаю, как скучала по прикосновениям. Его теплые пальцы скользят мне в волосы, медленно притягивая ближе. Мое сердцебиение резко ускоряется, по мере того как сокращается расстояние между нашими лицами. Но за мгновение до того, как наши губы встречаются, он замирает. Я чувствую его дыхание и, закрыв глаза и положив обе ладони ему на грудь, подаюсь немного вперед. Едва касаясь, кончиком языка провожу по его нижней губе и замечаю, как на долю секунды его пальцы в моих волосах сжимаются сильнее, прежде чем он подхватывает меня за талию и поднимает вверх. Я обвиваю его бедра ногами, когда он раскрывает для меня губы, а через несколько шагов наклоняется над кроватью и бережно кладет меня на нее. Не разрывая поцелуя, я стягиваю с ног ботинки и запускаю пальцы ему под футболку, глядя плоский живот и продвигаясь выше, к груди.

Нилл опирается локтями по обе стороны от моих плеч и прокладывает дорожку из поцелуев от уголка моего рта к виску, а я почти до боли прикусываю щеку изнутри, стоит ему провести языком по чувствительному местечку у меня за ухом.

Проходит много времени, слишком много, и я вдруг хочу, чтобы оно застыло. Волосы Нилла, которые мягко спадают мне на лоб, его дыхание на моей коже, из-за которого я выгибаю спину, чтобы сократить оставшуюся между нами дистанцию. Но когда его вес медленно

опускается на меня, ладони ложатся мне на лицо, а губы снова находят мои, он вдруг останавливается.

– Сиенна?

Негромкий голос Нилла словно повисает в комнате.

– Ммм?

– Что случилось?

От неожиданности я распахиваю глаза, сталкиваясь с его настороженным взглядом.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты плачешь.

– Я... что? – Тыльной стороной ладони провожу по щеке. Нилл прав. А я даже не заметила.

– Это... я...

Проклятье. И что тут скажешь? Откуда мне знать, почему я порчу такой совершенно идеальный момент слезами? Больше всего мне сейчас хочется вскочить и убежать из этой комнаты на край света, но Нилл не сводит с меня глаз. А ведь из нас двоих это ему следовало бы вскочить и убежать. Будет потом что рассказать внукам: «А затем я поцеловал эту чокнутую девицу, а та вдруг как заревет». Очень походит на одну из историй, о которых обожают вспоминать парни. Черт!

– Можно я встану?

Нилл откатывается на бок. Я отодвигаюсь от него и на подгибающихся ногах бреду в ванную. Если просижу там достаточно долго, то предоставлю ему прекрасную возможность тихо уйти. А после этого мы опять встретимся вечером в пабе и сделаем вид, что этой нереально неловкой ситуации никогда не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.